

ANERDOMMM

MMOM

M

MENOM

16+

Олег Фомин
Льдом и мечом

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Фомин О. Г.

Льдом и мечом / О. Г. Фомин — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Льдом и мечом #1 Остепенившегося воина Эгорда окружает жизнь, которую выбрал сам, которую хочет: солнечный город, уютный дом, лучший друг Витор, разговоры за кружкой вина перед камином, шутки, философские беседы, воспоминания о бурной молодости... Жизнь, как большой красивый шкаф с любимыми книгами: читаешь захлеб, но никто никуда не торопит. Врывается мерзкая тварь, все книги сжигает. Остается лишь клочок с одним словом. Мечь.

© Фомин О. Г., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 1

Глава 1

По городу гуляет ветер.

Эгорд тоже.

Вчерашним вечером лучший друг и его супруга погибли от руки демона. Витор умирал в постели без ног и части живота.

«Знаешь, Эгорд, – шептал он, – я лишь жалею, что мы с Милитой не успели завести мальчика... или девочку... Странно, да? Пережил столько приключений, а перед смертью мечтаю о простом... Глупо как-то вышло».

Эгорд держал за руку.

«Держись, дружище! Из стольких переделок выбирались».

Витор улыбнулся.

«Все когда-то заканчивается. Попытка это опровергнуть, но не удалось. Может, получится у тебя... Позаботься о Милите».

Эгорд вышел сообщить жене Витора о смерти мужа. Та лежала на полу. Кулачок сжимал пустой флакон яда, личико было в слезах. Белое.

Похоронил Витора и Милиту за городом, на холме, где влюбленные пять лет назад познакомились.

Идет по городу, кулаки как узлы корабельных канатов.

Зарах!

Он убил не только Витора, но и Милиту. Бедняжка любила мужа всеми силами, смириться с его гибелью было невыносимо, она не могла не последовать за Витором...

Зарах... Эта тварь явилась из мира демонов, завоевать все расы и материки.

Как и у всех демонов, амбиции непомерные, если уж завоевывать – так весь мир, не иначе.

Но демон совершил роковую ошибку.

Убил друзей Эгорда.

Семь лет воин не брал в руки меч, посвятив себя алхимии и магии. Решил, больше не будет разрушать – только создавать. Но явился демон и жаждет разрушить все, что создавалось народами многие сотни лет.

Зарах пожалеет, что стал разрушителем, а не творцом.

Эгорд идет по безлюдным улицам, голова поднята высоко.

Дома Эгорд спускается в подвал. В углу запыхавшийся молот, удар за ударом воин-маг разбивает каменную стену.

В просторном тайнике, среди паутины, – сундук.

Эгорд откидывает крышку.

Доспехи и оружие блестят в свете факела ярко, как семь лет назад.

Но за мирное время Эгорд прошел путями алхимика и мага, теперь подвластна сила снадобий и заклинаний.

Прощай, дом...

Вскоре здания города, в ужасе притихшие, наблюдают глазами окон, как мимо шагает воин, доспехи которого покрыты инеем, а следом тянется в воздухе сизый призрачный шлейф мороза. На сверкающую стальную чешую накинута плащ, серебряная ткань вышита сложными узорами, за поясом меч и торбы с зельями.

По улице бегут латники, защитники Старга, так называется город, научивший Эгорда помогать другим, жить в мире, строить свое и общее будущее.

- Что случилось? – кричит Эгорд через стену ливня.
- Демоны снова идут в атаку! – на бегу отвечает кто-то из воинов.

На горизонте, за черепичными панцирями крыш – красная вспышка, грохот, с дымом взлетают огромные глыбы городской стены.

Бойцы уносятся в пелену дождя, кричат:

- Осадные башни!
- Эти твари подогнали башни!
- За мной, к восточным воротам!
- Мы погибли...

Такие же взрывы один за другим с четырех сторон города.

Эгорд поднимает руку, пальцы сложены в магическую руну, с губ тихо летят слова заклинания. Через какое-то время завеса ливня слегка расступается, позволяет на мгновение увидеть дальше.

И правда, за городом высятся четыре огромные черно-серые башни, похожи на каменные деревья. У каждой меж «веток» сияет и медленно крутится гигантская алая сфера, вокруг пляшут такого же цвета молнии.

Молния срывается с шара, бьет в городскую стену, но не долетает – врезается в невидимую преграду. Энергия удара растекается синей сетью во все стороны, будто Старг накрыт незримым, но прочным куполом.

- Жрецы! – доносится с улиц и окон.
- Жрецы выставили щит!
- Продержимся!

Эгорд бежит к восточным воротам, из-под сапог летит щебень.

На жрецов долго рассчитывать нельзя. Их силы ограничены, огромный щит не может быть прочным везде, где-то удары башен будут пробивать, а скоро и весь щит рухнет...

Из плотной дождевой стены выныривает красная молния, трехэтажный особняк окутывает пламя. Но времени отвлекаться нет, нужно бежать на край города, в очаг битвы.

Позади крики сгорающих людей стремительно меняются на мерзкое рычание.

Эгорд оборачивается.

Из пылающих дверей и окон вырываются охваченные пламенем... нет, уже не люди. Огонь превращает их в демонов. Лоскуты одежд рассыпаются пеплом, обнажают вздутые красные мускулы. Рты разрываются быстро растущими зубами величиной с ножи, из пальцев лезут когти, из хребтов – длинные гребни.

Лицо Эгорда искажает оскал, меч с лязгом прочь из ножен, сверкнул белоснежной дугой. Ноги несут в бой, грохочут, от сапог по земле трещины.

Эгорд и меч как монолит, рассекает демона сплошной белой волной, половины монстра летят в разные стороны.

Гнев дурманит, Эгорд стальным вихрем кружит около горящего дома, свистят рубящие полосы, куски тел разлетаются как щепки вокруг дровосека.

Демоны в безумной жажде бросаются на меч, пронзительно рычат, шипы и когти ломаются под натиском острой стали. Эгорд метает толстые ледяные колья, порожденные заклинанием, бешенство подогревается памятью. Зарах убивал Витора, и каждый удар меча словно предвкушение: вот так Эгорд будет рубить, колоть, резать эту мразь Зараха.

Туман ярости рассеивается. Эгорд тяжело дышит посреди арены из обрубков плоти, костей, ледяных осколков...

Ветер усилился, капли дождя летят параллельно земле, растягиваются, как дротики. Не надо прилагать силы, чтобы бежать, ветер бьет в плащ как в парус, выгибает спину, каждый шаг – полет.

У восточной стены Старга гремит побоище.

Из уродливой брешы с противным копошением текут демоны, от мелких – помесь собак и змей – до великанов, похожих на жуков, вставших на задние лапы. Красная кожа демонов лоснится под сумраком ливня, отражает вспышки красных молний.

Пешие и конные воины отчаянно рубятся с потоками чудовищ, на каждого защитника Старга по три-четыре твари.

В тылу людей пыхтят стрелки, арбалеты и луки скрипят, накаляются от непрерывной стрельбы, перезарядки.

Улицу загораживают три баллисты, стрелы размером с бревна целятся в самых крупных.

– До ночи не выдержим! – орет стрелок, помощники заряжают баллисту. – Если доживу до утра, напьюсь, а потом брошу на всю оставшуюся, на радость жenuшке!

Эгорд осыпает тварей градом ледяных кольев, отбрасывает волну за волной.

– Надо что-то делать! – кричит он. – Если просто сдерживать атаки, рано или поздно задавят числом.

– А что им сделаешь, гадинам? – отвечает стрелок. – Скажешь брысь?

– Если бы не башни, магический купол не пустил бы тварей. Мы бы просто перебили всех, кто успел прорваться через купол.

– Но башни лупят по щиту, под купол набегают новые!

– Уничтожим башни!

– А как, Ямор их дери?!

Стрелок рывком тянет рычаг, стрела с грохотом вырывается из гнезда, демона-великана с пробитой грудью отбрасывает к брешы, туша заваливает проход, лавина тварей ненадолго редет.

– Одну башню попробуй разрушь, а их четыре! – кричит стрелок. – Там краснозадых столько, тыщу лет хватит супы варить!

Из руки Эгорда вылетает ледяное копьё, пронзает двух демонов.

– Захватим одну, из нее обстреляем другие три.

– Да в тебя самого демон вселился, братец! Эту толпу бесы знают как сдержать, а ты хочешь через нее прорываться!

– Если бесы знают, у них и спрошу.

– Ты что, прямо сейчас туда? Один?!

– Мы все равно мертвы, не сейчас, так к ночи! А там, – Эгорд указывает на сферу башни, – есть шанс спасти хоть кого-нибудь.

В одну из башен бьет молния – обыкновенная молния с неба: стихия разыгралась так, что не удержалась огреть случайным электрическим хлыстом такой соблазнительно мощный источник энергии. Белоснежный разряд по цепочке передается всем башенным сферам, город на миг окружает слепящее кольцо, а затем – сферы резко уменьшаются.

Стрелок запрокидывает голову к небу.

– Боги помогают!

Эгорд замечает, что сферы медленно растут, стремятся к прежним размерам.

– Лишь отсрочка. Надо спешить.

Демоны наступают сзади: магическое пламя превращает горожан в безумных тварей, с каждой минутой их больше.

В какой-то момент бывшие люди начинают атаковать друг друга. Набрасываются, рвут когтями, зубами, катаются по мостовой, в этот смертельный клубок прыгают новые и новые одержимые...

– О нет, – прошептал Эгорд.

Стрелок махнул в сторону перепалки.

– Гляди, нам помогают, не придется лишний раз руки марать.

– Объединяются...

– Чего?

– Будет... что-то громадное.

Демоны грызутся, рвут себя на куски, густая кровь хлещет потоками, этот бордовый клей соединяет обрывки мяса и костей в одну тварь, огромную, кошмарную.

Эгорд бросает в растущий сгусток плоти очередь ледяных кольев, но стайка мелких демонов, бывших мальчишек и девчонок, с диким ревом бросается под удары льда. Проходят минуты, воин-маг осыпает рождающегося монстра кольями льда, прозрачные снаряды падают десятками, но крошатся о твердеющие панцири, а те, что вонзаются, не могут причинить серьезный вред – туша огромная...

Монстр заполняет улицу по всей ширине, бока прижимаются к стенам домов, те трещат, прогибаются.

Воздух рассекают щупальца, обхватывают и пронзают лучников, кричащие воины отправляются в дыру, окаймленную рядами длинных кривых зубов.

Тем временем демоны валят из пробоины в стене.

Эгорд не может оторвать взгляд от грузного, но удивительно гибкого чудовища.

– Как зовут?

– Кого, этого чудика? – уточняет стрелок.

Эгорд поворачивает голову к стрелку.

– Тебя.

– Тиморис. А мою женушку – Ивисса... Так, на всякий, будет кому позаботиться и все такое...

– Не спеши на небо, Тиморис. Сначала мне нужна помощь.

Тиморис ухмыляется.

– А потом, значит, помирай на здоровье?

– Жену обнимешь, если план сработает.

Эгорд вонзает меч в демона, тот падает, воин-маг окровавленным мечом чертит на мостовой руну, похожую на цветок.

– Нужно начертить этот знак по всей ширине улицы, недалеко от баллист.

– Рехнулся?!

Тиморис дергает рычаг, баллиста разрывает волну мелких демонов, стрела вонзается в ногу жукоподобного гиганта, тот падает, давит сородичей, лучники добивают в глаза.

– Мы подышаем, – возмущается Тиморис, – а ты решил напоследок стать художником, еще и моими руками! Давняя детская мечта?

– Заклинание.

– А что, поможет?

– Если будешь меньше болтать.

Эгорд бросается на пару щупалец, те уже подползают к баллистам.

– А чем рисовать-то?! – кричит вслед Тиморис.

– Придумай!

Эгорд обрубает концы двух щупалец одним взмахом.

Тварь взывает, воздух дрожит так, что контуры размываются, солдаты в ущерб обороне затыкают уши, троих тут же убивают.

Чудовище поднимает щупальца, около двух десятков летят в Эгорда. Воин-маг отпрыгивает, щупальца скручиваются в единое острие, вонзаются в дорогу, во все стороны брызжут булыжники, комья земли.

Эгорд ловко прыгает с щупальца на щупальце, оставляет порезы, тварь забывает обо всех, хлещет себя по телу и морде в попытках схватить, раздавить наглуемую блоху.

– Готово! – кричит Тиморис.

Эгорд спрыгивает с монстра, вытянутое тело описывает в полете дугу, приземляется между тварью и огромной руной.

Эгорд оборачивается.

– Ты долго.

Тиморис у баллисты, пытается отдышаться, за него стреляют помощники.

Руна и впрямь широкая, через всю улицу, из обрубков демонов, стрел, мечей, еще чего-то.

– Сам бы и таскал этот мусор, раз такой умный! – хрипит Тиморис. – Надеюсь, я пыхтел не зря!

Эгорд окидывает взором весь рунический круг.

– Отлично! Надо заманить его в центр.

– Эй, хряк осьминожий!.. Я не тебе, дружище... Поломойка жирная, топай сюда! Я здесь, вкусный и хрустящий...

Эгорд отбегает за баллисты, вместе с мечниками и копейщиками сдерживает вал демонов.

Чудовище ползет за обидчиком, щупальца хлещут вперед.

Тиморис едва успевает встать, оттащить увлеченных стрельбой помощников, щупальце обрушивается на баллисту. Доски, брусья, обломки стрел растекаются в воздухе, отбрасывают воинов, одного протыкает здоровенный наконечник стрелы.

Тяжелый шаг – и монстр в центре руны.

Эгорд разводит руки, одна к чудовищу, другая – к бреши, веки полуопущены, губы выпускают злое заклинание.

Громадный демон обрывает рев, щупальца замирают, из пасти сухой, едва слышный стон, как ветер в пещере.

Демон быстро тощает, сочный алый окрас становится серым, тусклым, кожа морщится. Из монстра вылетают потоки чего-то, похожего на огненный песок, устремляются к руке Эгорда.

Тиморис зачарованно наблюдает, таинственная огненная энергия перетекает через тело воина-мага в другую руку, меняет цвет на молочно-синий, огненный песок превращается в рой раскрошенного льда.

Холодная пыль рекой летит к бреши, над головами людей и демонов, оседает на камни. Дыра в стене зарастает льдом.

Ледяная глыба перерастает высоту стены, по блестящему склону можно забраться наверх.

От чудовища остается сухая кожа. Эгорд опускает руки, кожа рассыпается в пепел, опускается на руну черным ковром.

Солдаты добивают демонов, над крышами, как салюты, ликования. Воины потрясают клинками, кулаки бьют в грудь, полные восхищения и благодарности взгляды смыкаются на Эгорде.

Он замечает, что центр руны выложен из цветов, скорее всего, из сада неподалеку.

– А это зачем?

– На всякий случай, – с вызовом отвечает Тиморис, загадочно взвинчивает палец. – Может, чем красивее, тем заклинание мощнее, я ж не знаю...

Эгорд хмыкает.

– Еще вопрос, кто из нас мечтал художником...

По ту сторону льда рев демонов, глухие удары, размытые очертания трещин. Если и пробьют, то нескоро.

Ливень стихает, капли еще длинные, тягучие, как нити, но гораздо реже. Ветер выдыхается, сквозь прослойку исхудававших туч проклевываются веточки солнца.

В одного из всадников бьет красная молния, тело разрывается, куски в полете обгорают, приземляются уже красными псами без шерсти, вместо задних лап – змеиные хвосты. Солдаты вступают в битву, опять ярость, стальные удары.

– Башни!

– Башни опять в силе!

– Мать, да что за щит, почему не отражает?!

– Неужто в Ордене нет хороших магов?..

– Эй, маг, выручай!

Перепуганный конь ржет, несется на Эгорда, копыта выбивают искры. Эгорд хватается за уздечку, ноги отрываются от земли, уже в седле, натягивает поводья. Конь разворачивается, на дыбы, передние копыта мелькают, словно животное с кем-то бьется.

– Продержитесь подольше, займусь башней!

Тиморис преграждает путь, размахивает руками.

– Сам с башни рухнул, сумасшедший! Убьют же!

– Если не поскачу, все равно убьют. Лучше в бою, чем забившегося в угол.

Стремена впиваются в конские бока, зверь разбегается, мчится к ледяной горе.

– Дракон!..

– О боги, дракон!

Эгорд поднимает глаза. Сочно-красного цвета ящер летит бесшумно, крылья с рваными краями заслоняют кусок неба. Описывает над Старгом круг, снижается, размеры увеличиваются пугающе быстро, воинов накрывает тень, в панике разбегаются. Тиморис пробует развернуть баллисту, но без помощников не успеть, тоже прячется.

Челюсти с лязгом распахиваются, из черной глубины вырывается поток из рева и пламени, такой густой, что кажется жидким, как лава.

Пламя обрушивается позади Эгорда, совсем рядом, растекается, преследует. Лед мгновенно взрывается тучами пара жарче огня, солдаты кричат, варятся заживо.

За секунду до того, как вершина льда расплывается горячим облаком, от нее отталкиваются копыта скакуна.

Глава 2

Конь приземлился на какого-то демона, взрыв вопля.

Старг позади, за высокой стеной. Вокруг красное поле демонов.

Эгорд вытягивает руку, ее наполняет свет, перед ним возникает купол щита, переливающийся тем же светом.

Всадник мчится к башне, волны щита разбрасывают демонов. Твари рычат, воют, красные тела нахлестываются друг на друга в жажде разорвать. Некоторые прорываются за щит, Эгорд встречает мечом, сталь вспыхивает белым, обагряется.

За спиной половина пути.

Еще чуть-чуть...

С неба обрушивается громадная, как скала, нога демона-жука. Землю встряхивает, оглушительно хрустят черные провалы трещин. Эгорда выбрасывает из седла. Мир опрокидывается, в полете Эгорд видит, как демоны накидываются на коня, облепляют клубком, отчаянное ржание.

Земля приближается, к падению готов.

Перекачивается, меч обрубают чьи-то ноги, воин-маг вскакивает, рассекает туманный от крови воздух белыми полосами, тела рассыпаются словно карточные домики.

Прорубается в сторону башни.

Откуда-то сверху – мощный ветер...

Резко отпрыгивает.

Туда, где был Эгорд, падает кулак демона-великана, земля превращается в кашу. Демон-жук разрывает небо ревом, рогатая голова поворачивается к Эгорду, глаза будто котлы с лавой.

Эгорд с отчаянной яростью озирает толпу между собой и башней. Демонов как червей в труп, соломинку не просунуть.

– Расступись, краснозадые!

Тиморис несется на коне по очищенному от демонов пути, где проехал Эгорд. Самого Тимориса не видно, из-за широкого стального щита торчит копьё, пронзает настырных прыгучих тварей.

Всадник скачет на Эгорда, из-за щита выныривает рука.

Воин-маг хватает, взлетает на коня, за спину лихого наездника.

– Ты что здесь делаешь? – кричит в ухо спасителя.

– Это вместо спасибо?! – истерически орет Тиморис. – Штаны насквозь мокрые, не пойму, демоны кровью забрызгали или обделался!

– Гони к башне!

– А я что делаю?!

Под копытами хрустят кости. Башня растет, алый шар нависает над головой. Эгорд удерживает магический щит, всадников и коня обтекает кокон света, но силы воина-мага на исходе, сияющая пленка очень тонкая, особо напористые монстры пролетают сквозь, Тиморис едва успевает вонзять копьё.

Красные молнии хлещут по Старгу. Над городом черные тучи дыма, стена изуродована дырами, как челюсть старика, полчища тварей льются и льются в пробоины, над ними качаются великаны, молотят кулаками по остаткам стены.

Коню трудно пробиваться сквозь мясное болото, шея и бока в царапинах, галоп резко сменяется дерганной рысью, животное виляет из стороны в сторону.

Демонам нет конца, новые орды прут откуда-то из-за горизонта, разливаются как магма из недр земли.

Особо бешеный демон врезается в коня, тот на дыбы, заваливается на бок, Эгорд и Тиморис падают по разные стороны от него. Конь в ужасе, толпу обдает ржанием, мечется туда-сюда, бывшие наездники успевают отпрыгнуть, среди демонов тоже неразбериха, пространство вокруг буйного жеребца очищается. Наконец, сведенный с ума конь ныряет в гушу когтей, исчезает.

Эгорд и Тиморис прижимаются спина к спине, клинки рассекают воздух, чертят яркие линии в кровавой пыли.

Меч порхает мастерски, копье раскидывает врагов менее умело, но длина грозного оружия не подпускает к хозяину. Воин-маг с улыбкой замечает, что у напарника вовсе не копьё, а стрела баллисты.

Тиморис бьет собачью голову демона сапогом.

– Нам конец!

– Вижу.

Эгорд выбрасывает веер ледяных кольев.

– Ты что, не понял намека?! – орет Тиморис. – Давай гениальный план спасения, ты ж голова!

– К башне не пробиться.

– Твой план – красиво сдохнуть?!

– Нужен транспорт.

Доносится сдавленный стон коня...

– Этот? – вопит Тиморис. – Плохая идея!

– Надо что-то потяжелее.

Ледяная волна заклинания отбрасывает очередную стаю, Эгорд закрывает глаза, мысли устремляются на создание магического щита.

Веки поднимаются, воинов окружает прозрачная световая сфера. Эгорд чувствует, щит очень слаб, пытается наполнить энергией, но силы заканчиваются, возможно, это последнее заклинание в жизни... Вспоминает Витора, Милиту... Душу наполняет горечь. Но если не суждено добраться до Зараха, то хотя бы успеть положить как можно больше его прихвостней!

Так же было, когда с Милитой помогал искать и лечить рабочих в обвалившейся шахте, все из-за гигантских муравьев: шахта приглянулась им как новый муравейник, а шахтеры – как припасы. Воин-маг и «сестренка» были зажаты в крохотной пещере, из стен торчали муравьиные морды, прогрызались внутрь. Эгорд лежал пластом, Милита бинтовала раны обрывками платья, давилась слезами. Она вызвалась в шахту, чтобы побороть страхи, у нее их было много, всегда с ними воевала. Тогда Эгорд смирился с гибелью, но было больно, что впутал девочку в передрыгу, к тому же – не известив Витора. Но друг вовремя пришел с подкреплением – и стало больнее: как смотреть Витору в глаза...

Воин-маг ощущает прилив сил. Голову кружит радостное удивление, но Эгорд жадно черпает потоки из таинственного источника, щит увеличивается, наливается светом, как жидкое золото.

Демоны пятятся, топчут друг друга, сияние разъедает красную кожу.

Тиморис острием «копья» вырезает руны на трупе демона. Три тела случайно попали под сферу, два уже помечены руной, над ними вьется огненная пыльца, течет к Эгорду. Тиморис делает последний штрих, третья руна наполняется огнем.

Эгорд поднимает руки, укрепляет щит.

– Спасибо.

– А, все-таки знаешь это слово, – говорит Тиморис.

Эгорд поворачивается к демону-жуку, тот в ярости рвет мелких сородичей.

– Идем рядом, нога в ногу.

– Нам к башне! – напоминает Тиморис.

– Слишком густой поток, задавят даже со щитом.

Эгорд указывает на великана.

– К нему.

– Тебе что, бесы мозги съели?!

– Не спорь.

Воины шагают к бушующему монстру, демоны отпрыгивают с пути прожорливых лучей, обливают криками бессильной ярости.

Эгорд выбрасывает вперед руку, в жука летит копьё прозрачного волнистого льда. Разбивается о панцирь, чудовище оборачивается. Земля содрогается от шагов, исполинская тварь движется на воинов, стопы в кровавых лепешках, давят своих.

Глаза Тимориса вздуваются.

– Он нас расплющит!

– Спокойно! Стоим на месте.

– И что?!

– Не отвлекай, а то погибнем. Замри!

Эгорд бросает все силы в щит, думает о заклинании.

Жук возникает прямо над воинами, кажется, что его голова упирается в тучи. Рычание заглушает панический вопль Тимориса, накрывает черная тень ноги.

Чудовище обрушивает тяжеленную конечность, щит вспыхивает, трещит искрами, свет прожигает в толще мяса дыру.

Монстр взывает, отдергивает ногу.

Стон звучит несколько долгих мгновений. Наконец, великан размахивается во всю ширь, нога бьет по ненавистой сфере как по мячу.

Мир переворачивается несчетное количество раз, Эгорд успевает осознать протяжное красное море демонов далеко внизу, Тиморис отчаянно вопит, размахивает стрелой. Сфера врезается в стену башни, глаза слепнут от вспышки, грохочут камни...

Эгорд опирается на меч, встает.

Пыль рассеивается, открывает груды осколков и темную пробоину в стене башни.

Воин-маг помогает Тиморису подняться.

– Давай внутрь!

– На мясо, вместо щита? Верно, чего меня жалеть...

Тиморис кашляет, «копьё» ныряет во тьму, следом исчезает его хозяин.

Эгорд осматривает подножие.

Повезло, что приземлились на ступени. Если бы чуть ниже... Земля вокруг башни вспаханная, в этой каше ползают живые серые корни: движения резкие, словно порываются на кого-то броситься. Корней угрожающе много...

Демоны бросают на воина-мага испепеляющие взгляды, но бегут мимо, на Старг. Видимо, корни-стражи не различают своих и чужих, демоны и не пытаются связываться.

Эгорд крадывается в дыру, меч и лед наготове.

В центре круглого помещения Тиморис. «Копьё» дымит свежей кровью, у ног пластом лежит седой бородач в черной сутане с серебристыми узорами паутины и змей. В груди – кровавый провал.

Тиморис тычет на лужу расплавленного металла, ее сияние озаряет комнату.

– Он мой щит расплавил!

Стены из плит в черно-золотую крапину обросли оковами и цепями, в них висят люди в белых окровавленных одеждах с рисунком солнца, всего восемь.

Жрецы Светлого Ордена.

Глаза каждого закрыты, облеплены спекшейся кровью, на щеках, ушах, подбородках следы от багровых ручьев. Некоторые слабо мотают головами, стонут.

Тихий женский голос:

– Спасите...

Эгорд бросает взгляд на Тимориса.

– Найди у мага ключ.

Идет на голос...

Полумрак расступается, открывает лицо молодой женщины. Она в порядке, только чудовищно ослаблена. Эгорд вынимает из торбы флакон с зельем, подносит к губам женщины. Позади звон металла, Тиморис появляется со связкой ключей, скрежещет стальными прутьями в замке, пятый ключ совпадает.

Женщина жадно глотает воздух, взгляд проясняется.

– Благодарю...

Тиморис копается в замке соседнего пленника, тот пускает кровавые слюни, жалобно воет.

– Поздно. – В голосе женщины горечь. – Их разум навсегда увяз в безумии.

Эгорд останавливает напарника.

– Она права. Им уже не помочь, только продлим страдания.

Женщина выходит на центр.

– Пригнитесь.

Воины опускаются на колени.

Женщина поднимает кулак, от губы отрываются непонятные слова. Последнее прозвучало громко. Кулак выпускает восемь ярких солнечных лучей, падают на лбы пленников. Израненные головы резко поднимаются, удивленные лица медленно озаряются улыбками.

Лучи гаснут, дыхание пленников затихает навсегда.

– Больше вас не потревожат, – печально прошептала женщина.

Эгорд указывает на труп мага в центре.

– Он питался вашей силой?

Женщина кивнула.

– Над нами шесть таких тюрем. На последнем этаже – архимаг, управляет сферой.

– Темный Орден присягнул Зараху?

– Зарах обещал им демоническую силу.

– Где он?

– Он может перемещаться по миру мгновенно. Даже между мирами людей и демонов.

Но его цитадель где-то за океаном.

– Это все очень интересно, – вмешивается Тиморис. – Но, может, спасем других? Каждая секунда на счету, можем опоздать...

Женщина идет к лестнице.

– Ты прав, воин.

– Видишь, – важно заявляет Тиморис Эгорду, – я прав!

– Держись позади, – добавляет женщина. – Маги знают, что в башне чужаки, готовы к бою. Твое оружие для них – бесполезная палка.

Эгорд хлопает напарника по спине.

– Она права.

Тиморис как замороженный. Плечи опускаются, с кислым лицом плетется за Эгордом.

Второй этаж встречает волной огня, воин-маг и спутница едва успевают отскочить.

Эгорд припечатывает темного мага к стене куполом щита, свет разъедает тому кожу, женщина испепеляет пронзительно ярким лучом.

Из пленников живы двое.

– Если уьем архимага, другие башни заподозрят неладное, – сказал юный, лет семнадцати, жрец.

– Прежде чем уничтожат нас, успеем расстрелять хотя бы одну башню, – уверенно ответил другой, почтенного возраста.

От этажа к этажу число освобожденных растет. Из лестничных горловин текут демоны в доспехах, с толстыми саблями, когтистыми стальными перчатками, и приткие алые ящерицы на высоких, как у собак, ногах.

Последний этаж.

Вместо потолка – алая сфера, чудовищная энергия гудит, трещит молниями.

Архимаг одного за другим убивает пятерых, щиты света не спасают от черного, тугого как веревка, луча. От жрецов Светлого Ордена не остается даже пепла.

Эгорд успевает понять бесполезность щита, выстраивает ледяную стену, черный луч тут же разбивает, волна осколков отбрасывает воина-мага.

От следующей атаки ни увернуться, ни защититься...

Перед смертью вспомнить бы хорошее, но, как наказание, помнится другое...

«Не знаешь, что за дверью, – не суйся, а если сильно надо, вообрази, что по ту сторону – твой самый жуткий кошмар, – говорил Витор зеленому Эгорду, держа за шиворот и усаживая ему на грудь скорпиона, – и заходи. Будешь готов ко всему». Эгорд расхныкался от ужаса. Все это было после того, как мальчишка снял комнату в публичном доме, но там ждала не девушка, а три головореза. Витор успел вовремя...

Хруст.

Архимаг опускает удивленный взгляд, из груди торчит стрела баллисты. Хозяин башни недоумекает, откуда взялась баллиста...

Тело архимага оседает, падает набок.

Тиморис подходит к убитому.

– Ну вот. А то «бесполезная палка, бесполезная палка»...

Тянет руку к стреле, но та рассыпается на тлеющие угольки, по залу разлетаются искры.

Тиморис застывает, взгляд упирается в кучку углей.

– И чем воевать изволите?

Досадно сплевывает.

– Знаете, как управлять этой сферой? – спрашивает Эгорд жрецов.

– Разумеется, юноша, – отвечает единственный в компании старший жрец, обращение «юноша» забавит, Эгорд давно не молод. – Братья, сестры, в круг! Нужно атаковать как можно быстрее, пока враг не спохватился.

– Какую из башен атаковать? – спрашивает кто-то.

– Без разницы, – обреченно говорит женщина, которую спасли первой. – Если бы этот выбор переломил ход битвы... Даже если успеем уничтожить башню, Старг все равно падет, на пару часов позже.

– Но что мы можем? – пронзительно легким голосом спросил самый молодой из адептов солнца.

– Если все, что можем, – оттянуть гибель Старга на пару часов, мы это сделаем, – твердо и спокойно говорит старший жрец. – Боремся со злом до последнего вздоха, и потому побеждаем, даже если гибнем. Души остаются верны свету, демоны могут сколько угодно штурмовать стены, но души – неприступны!

– Откуда демоны прибывают? – спросил Эгорд.

Молоденький жрец указывает на восток.

– С Грифовых скал. И башни оттуда же.

Эгорд подходит к широким окнам, зрелище захватывает дух, но отнюдь не восхищает. Красный океан тварей движется от темно-бурых морщинистых обелисков, что зовутся Грифовыми скалами, рев и шипение захлестывают мир как настоящая буря.

От скал до башни тянется свежая рыхлая борозда. У подножия неустанно перемалывают землю корни, борозда палец за пальцем удлиняется, башня приближается к городу.

– Демоны наступают от Грифовых скал по всем направлениям, – тяжело говорит старший жрец, взгляд стынет на горизонте, на проклятых камнях, что порождают орды демонов. – Одиннадцать городов сейчас разделяют участь Старга.

– Неужели начало конца? – шепчет юный жрец.

Кто-то осторожно сказал:

– Там цитадель Клессы...

– А это еще кто? – вмешался Тиморис.

– Генерал армии Зараха, командует штурмом на нашем материке. Непрерывно создает этих тварей и насылает на города...

– То есть, если убить Клессу, нашествие прекратится? – спрашивает Эгорд.

Все поворачиваются к нему, пристальные взгляды вот-вот прожгут, как жаркие лучи солнца.

– Клесса – демон могущественный, убить его не под силу даже нам, вместе взятым.

– К нему нужно пробиться через тысячи демонов, а с этим даже хорошая армия вряд ли справится.

– Да и входа в Грифовы скалы нет. Глухие как крепость.

– А как этот Клесса выпускает демонов? – недоумевает Тиморис.

– Телепортирует.

Эгорд загорается, жадный взгляд пожирает скалы.

– Вот как... Может, и нам телепортироваться к нему в гости?

– Не выйдет, – качает головой старший жрец. – Мы должны ясно представлять место назначения.

– Опять за свое, – укоризненно говорит Тиморис воину-магу. – У тебя бывают другие идеи, кроме безумных?

– Подземелья, – шепчет Эгорд.

– Что?

Эгорд вытягивается через парапет.

– Ходят слухи, что под Грифовыми скалами огромные подземелья. Никто не может найти вход в эти туннели, но некоторые пьяницы, которых любят поднимать на смех, рассказывают в тавернах, как годами бродили под Грифовыми скалами, выбирались чудом, а когда оглядывались – входа не было...

– И что нам подземелья, даже если они есть? – ворчит Тиморис.

Эгорд поворачивается к магам.

– Сможете ударить в подножие скал?

– Эй-эй, чего удумал-то? – возмущается Тиморис. – Надо спасти город!

– Старг не спасти. Но есть шанс спасти остальные города.

– Хочешь... – начала женщина.

– Да!

В центр выступает юный жрец.

– Самоубийство, безумие!

Женщина встает рядом с воинами, напротив жрецов.

– Прорваться сюда из Старга – тоже безумие. Но эти храбрецы решились на безумие и спасли нас!

– Хорошо, – кивнул старший жрец. – Решено! Братья, сестры в круг. Наносим удар в подножье скал.

Тиморис озирает всех, разводит руки.

– Кто-нибудь объяснит мне, тугодуму, что затевается?!

Эгорд отходит к окнам.

– Очередное безумие. Раздобудь новое оружие.

Жрецы становятся в круг, руки поднимаются, словно хотят удержать небо. Голоса сплетаются в сложный хор заклинания.

Сфера гудит сильнее, по алым течениям на ее поверхности видно вращение, молнии трещат как рвущиеся простыни, скручивают шар угловатыми червями.

Голоса жрецов сливаются, становятся такими же громкими, как рев сферы.

Последнее слово – гром, жрецы выбрасывают руки к Грифовым скалам.

Над башней ослепительная вспышка, сфера пускает в скалы густой красно-белый луч толщиной с саму сферу, он заливает светом все вокруг. Постепенно сфера уменьшается, луч хуеет, теряет белизну, ее вытесняет цвет крови.

Сфера исчезла, державшие ее каменные щупальца будто уродливая холодная рука, просит подаяния.

Исчез и луч. Дым на горизонте рассеивается, открывает гигантскую яму, она охватывает землю и нижнюю часть скалы, внутри усыпано черными точками ходов, слово разворотили заброшенный муравейник.

– Пещеры! – воскликнула женщина.

Тиморис присвистывает.

– Вот вам и сказки пьяниц!

За поясом две сабли, руки в стальных когтистых перчатках, откопал на лестнице среди трупов.

Пол вздрагивает, от стен откалываются куски.

– Башни!

– Башни атакуют!

Старший жрец оглядывается, властно обводит руками.

– Скорее! В круг! Воины в центр круга!

Еще удар, Эгорд падает, вползает в кольцо жрецов. Башня качается как судно в шторм.

– Камалия! – обращается старший жрец к женщине. – Отправишься с ними!

– Но...

– В круг, живо!

Эгорд ищет глазами.

– Тиморис! Сюда!

Тиморис у окна, в котором страшное зрелище Старга.

В городе пожар, крыши под огненным ковром, черные тучи дыма подпирают со всех сторон, мешают разглядеть хоть что-нибудь. Стена похожа на жалкие огрызки, потоки демонов перетекают ее легко, заливают город смертоносной плотью.

– Ивисса! – стонет Тиморис, рука тянется в окно.

Эгорд оттаскивает воина в круг, тот удерживает взгляд на Старге, будто надеется увидеть в дыму лицо жены.

Воин-маг берет Тимориса за плечи.

– Ее смерть не будет напрасной! Мы позаботимся!

Эгорд, Тиморис и Камалия берутся за руки.

Ладони жрецов устремлены на троицу, окружают со всех сторон, пальцы излучают свет.

Шепот заклинания накрывает приятной паутиной, Эгорд ощущает спокойствие.

Башня рушится, красные молнии бьют в камень, венок щупалец разлетается на глыбы, стены осыпаются, превращаются в лавины серого крошева, зал тонет в пыли.

Тела троицы покрываются сияющей пленкой.

Огромная острая глыба прокатывается рядом, разрушает жреца, кровавые хлысты обжигают других, но те продолжают выговаривать слова с чужой кровью на губах, заклинание все

громче, голоса наполняются гневом. Пол у стены проваливается, плита за плитой, камни исчезают шеренгами, пропасть все ближе.

Эгорд успевает заметить, как старший жрец становится вдвое ниже, ноги уходят вниз, сквозь пол.

Вспышка.

Глава 3

Свет рассеивается.

Над головами задымленное небо.

Троица на краю огромной дыры, вместо дна – чернота, у ног острые камни.

Вокруг простирается чудовищных размеров кратер, берега громадной ямы где-то высоко над горизонтом, она усеяна пропастями как муравьиными норками.

Впереди упираются в небо скалы. Подошва ближайшей скалы сожрана ямой, внутренности каменного гиганта тоже изрыты пещерами.

Эгорд тащит растерянного Тимориса.

– К скале!

– Демоны заметили! – дышит рядом Камалия.

Эгорд задирает голову.

Берега и впрямь обрастают демонами, словно красным мхом, лавины когтисто-зубасто-шипастой плоти валят по склонам, огибают пропасти. Потоки рычат, чувствуется их жажда сомкнуться на троице, поглотить, порвать.

Тиморис наконец осознает, что произошло, несется рядом, встречный ветер сушит лицо.

– Могли хоть предупредить, что будет телепортация!

– Не убежать! – кричит Камалия. – Демоны быстрее, догонят в пещерах!

Эгорд ускоряется, камни из-под сапог летят в бездну.

Троица оббегает один остров пустоты за другим, приходится вилять, каменные пасти так и норовят поглотить. Скалы приближаются, беглецы ныряют под тень гигантского бурого навеса. Шипение демонов ближе, кажется, дышат в спину...

– К той пещере!

Эгорд указывает пальцем, помогает Камалии забраться на крутой склон.

Грохот, под ногами трясется, Тиморис балансирует, чтобы не упасть. В чем дело?! Эгорд оборачивается.

Демоны-жуки!

Великаны с разбега прыгают в кратер, сворачиваются, шары из панцирей с грохотом катятся, мелочь с визгом превращается в кровавые пятна. От ударов о выступы шары подпрыгивают, летят через разинутые каменные рты. Некоторым не везет – застревают, проваливаются... Но не меньше трех докатятся, раздавят беглецов...

Эгорд выбрасывает руки вверх с яростными словами заклинания.

К навесу летит поток ледяного пара, заволакивает выступ молочной пеленой. Следом летит толстый ледяной клинок. Звонкий треск, из облака град прозрачных осколков...

Навес падает.

Беглецы успевают прыгнуть в пещеру, мимо входа сверху вниз проносятся острые тени, гром закладывает уши, тьма нагромождается, высится стеной. Гаснет последний луч солнца.

Эгорд поднимается, ступни ощущают пологий склон и мелкие камушки, вокруг – крошечная тьма. Рядом кряхтит Тиморис, наверное, пытается встать. Воин-маг наполняет черноту шепотом заклинания.

Меч наливается солнечным светом, будто вынут из горна, лучики прорезают тьму.

Тиморис помогает Камалии подняться, отряхивается, вокруг танцуют пылевые призраки, норовят опять вселиться в ткань.

Впереди – огромное горло пещеры, словно угодили внутрь окаменевшего праотца всех драконов. Сталактиты и сталагмиты гуще травы, некоторые слиты в колонны.

Эгорд наполняет руку льдом, та вновь готова пустить копьё замерзшей воды.

– Не знаю, приведет ли этот путь в цитадель Клессы, но другого нет.

Тиморис пытается отдышаться.

– Ты хуже бесов. Нас в башне чуть не придавило, чудом спаслись от толпы бесов, а ты рвешься в новую безнадёгу...

Эгорд удаляется в недра подземелья.

– Спаслись не чудом, а ногами и знанием заклинаний. На чудо надеются слабаки.

Тиморис догоняет.

– Надо же отдышаться! Осознать, так сказать, миг спасения, насладиться...

– Не хочешь отомстить за жену? – отрезает Эгорд. – За Старг?

Из-за спины у шеи Эгорда скрещиваются сабли, сталь упирается в подбородок.

– Не трогай жену! – пригрозил Тиморис.

Эгорд невозмутим.

– Нападаешь со спины?

– Прекратите.

Камалия еще более невозмутима, проплывает мимо, как дух, мантия шуршит о камни.

– Берегите гнев для демонов.

Пара немых секунд, Эгорд и Тиморис смотрят вслед. Клинки возвращаются в ножны.

– Пошутил, – говорит Тиморис хмуро. – Привычка. И демоны довели. Как вспомню, сколько раз сегодня чуть не погиб... Иди, озари девушке дорогу, факелonosец.

– Вспомним всех, кого потеряли, порадуемся победе, отдохнем. Но сперва...

– Знаю, знаю, иди уже... Дай погрустить человеку.

Вскоре Эгорд и Камалия идут рядом, Тиморис плетется позади.

Каменных колеи все больше, приходится обходить, протискиваться.

У развилки жрица указывает на высокий узкий проем.

– Туда. Мои заклинания рассылают во все стороны невидимых гонцов, они шепчут, там есть... что-то. Не знаю, но нечто иное, чем древние безжизненные камни.

Троица просачивается меж краев прохода, стены натирают плечи, иногда приходится поворачиваться боком, чтобы пролезть. Густая тьма расступается перед лучами меча неохотно, хочет внушить, что идут в тупик, застрянут, поверните обратно...

Открывается простор, Тиморис от неожиданности чуть не падает.

– Ох ты ж...

Сглатывает слово, покосившись на жрицу.

Гигантский зал статуй. Они изображают всевозможных чудовищ, Эгорд узнает в каменных фигурах демонов, что так часто мелькали у стен Старга и на пути к башне. Статуи, как и прочие элементы зала, выдолблены грубо, но количество заставляет обомлеть даже Эгорда.

– Демоны здесь давно, – шепчет Камалия. – Штурм начался месяц назад, за такое короткое время нельзя построить все это... О боги... Города жили в мире, на небе сияло солнце, а в центре королевства полчища тварей копили силы, плодились...

– Да, подготовились хорошо, – выдавливают Тиморис, задумчиво чешет шлем. – А мы прямо в их логово, без всякой подготовки...

– Выбора нет, – твердо говорит жрица. – Как бы велико ни было зло, нужно сразиться, иначе... сами уподобимся демонам. Превратимся в тварей, если уступим трусости, нет разницы, какая кожа, белая или красная.

– Ну, тогда... вперед, – неуверенно говорит Тиморис.

– Хорошо, – кивает Эгорд. – Но можно лучше. Верно, друг?

– Верно. – В голосе Тимориса твердости чуть больше. – Вперед с гордо поднятыми головами.

– Очень хорошо...

– Вперед и с песней! – заодно кричит Тиморис, эхо бьет по статуям, сыпется крошка. – Вперед, смелость – наше оружие!

- Прекрасно, – улыбается Эгорд. – Видишь, ты не демон.
- Рад несказанно, а теперь вперед уже, пора демонам головы рубить.

Тиморис вынимает сабли, через мгновение силуэт маячит в глубине зала, жаждущий битвы воин заглядывает за каждую статую, голова крутится во все стороны, ищет врагов.

В прошлой жизни изваяния демонов были, скорее всего, обычными сталагмитами, а те, что висят под потолком, завернувшись в крылья, как летучие мыши, – сталактитами. Зал оканчивается проходом, видно, что стены кто-то обрабатывал, выравнивал. Следующий зал не уступает по величине, каменные демоны сделаны более искусно, углы чередуются с отшлифованными изгибами, блики ярче.

Находят поочередно пять коридоров, Камалия указывает на последний.

- Ощущаю чье-то присутствие.

Нырять в гранитную пасть.

Тиморис озирается, клинки демонстративно танцуют в руках, вызывают демонов на бой.

- Ни одной крысы или даже букашки.

Эгорд держит лучащийся меч перед собой, ищет в далекой тьме хоть кого-то.

– В логове демонов не бывает иной жизни, кроме самих демонов. Но они сейчас текут на поверхность, штурмуют города...

- Даже охраны нет?

– Есть. Только не здесь.

– А где?

– Дальше. Или выше.

– Спасибо, а я и не знал, – ворчит Тиморис. – Без тебя знаю, что дальше – хуже.

– Лишь бы там был Клесса, – говорит жрица. – Уверена, телепортирует демонов за скалы.

Если уничтожим его, демоны будут заперты.

Тиморис вихрем пролетает вперед, сабли вырезают в воздухе белые кружева.

– Но те, что уже на поверхности, никуда не исчезнут и не успокоятся.

– У людей будет шанс остановить наступление, рано или поздно умрет последний демон, а тех, что будут заперты здесь, убить легче. Жрецы обрушат скалы.

– Сначала найдем Клессу. – Эгорд проходит мимо Тимориса, тот на очередном приеме спотыкается, падает. – Или лучше его телохранителей.

Тиморис потирает ушибленный локоть.

– Лучше сразу Клессу. Зачем пробиваться через охрану? Они измотают, до Клессы если и доберемся, то потрепанные, он нас одним пинком...

– Если у Клессы не окажется охраны, значит, он силен настолько, что охрана не нужна.

Улыбка с Тимориса сползает, воин догоняет Эгорда и Камалию, взгляд рыщет внимательнее, хочет найти живое подтверждение, что охрана Клессе все-таки нужна.

– Статуй как песка в пустыне... Кто эту армаду высекал?

– Не знаю, – говорит Эгорд. – Но статуй и впрямь чересчур.

– Сомневаюсь, что демоны развлекаются скульптурой. У них даже любоваться этим не хватит мозгов, а уж создавать... Им бы мяса пожирнее да крови погуще.

– И все же кому-то это нужно.

– Наверняка замешан Темный Орден, – голос жрицы сочится ненавистью.

Тиморис кружится в новом приеме, сабля обрушивается на крыло каменного демона, тот весь в буграх, кулаки будто молоты, челюсть на полморды. Камень хрустит, расползаются трещины, черная сеть изломов стягивает статую. Изваяние взрывается осколками, над упавшей троицей проносятся острые глыбы, вспарывают землю.

На каменном пне расправляет крылья живой демон, багровая кожа переливается, язык истекает слюной.

Из пасти – рев, его плотные волны можно видеть, они отражаются от тысячи других статуй.

Эгорд перекачивается, вскакивает, с разворота швыряет белесый стусок. За шаром тянутся облачка, снаряд влетает в яму клыкастой пасти. Тварь вновь превращается в статую, на сей раз – ледяную.

Камалия указывает на каменных монстров.

– Смотрите!

Зал хрустит, немые силуэты темнеют от трещин, вдалеке разлетается на осколки статуя, вторая, третья...

– Вот и охрана! – сетует Тиморис. – Напросились!

Он пятится, клинки растерянно качаются, не знают, с какой стороны ударит первый демон.

– Бежим!

Эгорд в коридор, плащ извивается вдоль земли.

Тиморис несется как охваченный пламенем, позади мелькают когтистые лапы, от воя по спине мурашки.

Камалия бежит между воинами, командует:

– Направо!.. Еще раз направо!

Коридоры и повороты меняют друг друга, лучи клинка скользят вдоль стен, отталкивают тьму, голос жрицы направляет Эгорда, топот ног словно барабанный оркестр. Бегут стройной цепочкой, тела наклонены вперед, ткань одежды трепещет, гудит как разрываемые ветром паруса.

Выныривают в новый зал, статуи уже в трещинах. В центре – широкая, как три вековых дуба, колонна, уходит во мрак потолка. В ней выдолблена лестница, оплетает каменный ствол будто лиана.

Статуи по обе стороны от беглецов лопаются одна за другой, троица едва успевает пробежать мимо. Смертоносные осколки ведут перекрестный огонь, сталкиваются, взрываются роями жалающего щебня.

Тиморис отчаянно матерится, разрубает демонов в прыжке, сабли окутаны коконами бликов. Ноги гремят как копыта, несут прочь.

Эгорд залетает на лестницу, подхватывает летящую следом Камалию, вздутые притоком крови руки подтягивают, Тиморису помощь не нужна – мчится так, что привяжи к ногам десяток доходяг, вытянет всех, скорость не потеряет.

Демоны затекают на лестницу рекой красных мышц, рогов, шипов, хлыстообразных языков, клешней, других отростков для изошренного умерщвления. Твари бегут по плечам и головам сородичей, гибкие тела сплетаются в клубки, падают с высоты, увлекая задних, что вцепляются клыками и хвостами в эту вереницу. Похожие на пауков и скорпионов ползут по стенам, но и те давят друг друга. Обладатели крыльев бешено отталкиваются от воздуха, швыряют себя на сабли Тимориса и солнечный меч Эгорда, Камалия сражает белыми лучами.

У некоторых каркас крыльев твердый как сталь, остро заточенный, летуны пронесаются рядом с огромной скоростью, норовят разрубить троих одним ударом.

Эгорд время от времени заковывает ступени гладкой оболочкой льда, твари проскальзывают, падают стая за стаяй, но когти стирают лед в пыль.

– Это сон, веселый сон! – истерически напевает Тиморис. – Уснул на солнцепеке, снятся всякие уродцы... Ивисса, наверное, уложила меня в кровать, делает холодные компрессы, а я сплю себе, отдыхаю, тра-ля-ля... На в рыло!

Эгорд пинает голову змееподобной твари.

– Камалия, сколько еще бежать? Твои заклинания скажут, сколько над нами уровней и где Клесса?

Жрица рубит демона, пять лучей венчают пальцы, словно длинные когти, проходят сквозь врага как через масло

– Они лишь говорят, мы на верном пути! На пути к тому, что ищем!

Тиморис брезгливо отпихивает липкие щупальца убитого демона.

– А откуда этим заклинаниям знать, что ищем?! Сами-то не знаем... Может, думают, что ищем смерть!

Эгорд пускает сгусток ледяного пара за спину Тимориса, ступени обрастают льдом.

– Тогда бы указали прыгнуть вниз. Не рассуждай, руби.

– Ну да, куда уж нам, черни богомольной, – ворчит Тиморис, изловчается на бегу отвесить издевательский поклон, – пусть господаги головы ломают, наше дело простое, маши чаще, отдыхай меньше...

Лестница вздрагивает, троица едва не падает вслед за очередью монстров.

Грохот и дрожь повторяются, раз за разом, между встрясками замечается строгий промежуток, беглецы ощущают момент следующего землетрясения, заранее приседают, хватаются за выступы в колонне.

Так и двигаются: переживают странное буйство тверди – и опять вверх. Даже нет нужды замораживать лестницу, Тиморис избавлен от необходимости оборачиваться и колоть настырных монстров – осыпаются как снег с деревца.

Дрожь сильнее, громче, будто кто-то приближается, стоять трудно даже на коленях.

Эгорд заглядывает вниз.

Земля изрыта широкими колодцами, по краям высокие блестящие бугры свежих насыпей. Колонна тоже продырявлена множеством ям, подножие завалено склоном обломков.

Часть колонны взрывается, из-под бутона каменных глыб выныривает огромный краснокожий червь. Эгорд оступается, тело перевешивает за лестницу, но вовремя хватается за руку Камалия.

Червь описывает в воздухе жирную дугу, вращается как смерч, пасть похожа на черный цветок из трех длинных клювов, острия вонзаются в лестницу, сверлят, здоровенные глыбы разлетаются как стружки, над потоком демонов проливается каменный дождь, самые невезучие превращаются в фарш.

– Бежим! – кричит Камалия.

Эгорда толкает в спину Тиморис.

– Чего застыл, пейзаж красивый?! Шевелись!

Дрожь ощущается постоянно, колебания все сильнее, будто трясется мир.

Камалия посылает вверх ослепительный луч, спустя миг падает прожженный насквозь крылатый демон.

– Вижу проход!

– Этой гусенице камень не преграда! – ноет Тиморис. – Догрызется до нас на любом этаже!

Эгорд и впрямь замечает за витками лестницы краешек прохода.

Еще два оборота...

Грохот.

Твердь уходит из-под ног. Эгорд падает на ступени, острые края причиняют боль даже через доспехи – вдавливают стальные чешуйки в кожу. За лестницей мелькает белая мантия со знаком солнца, комета выющихся волос, женские руки... Все это проваливается, исчезает за треугольниками ступеней.

Эгорд не осознает, как его тело летит в прыжке, падает, туловище выгибается за край, руки вперед, чуть не вырываются из суставов.

Время заморозили, опустили в ледяной сироп...

Рука крепко держит тонкую кисть Камалии, женщина без чувств, половину ее лба затемняет кровь.

Как знакомо... Милита просила Эгорда забраться с ней на башню и подержать за руки над высотой, чтобы перестать бояться. Витора просить не хотела – не пустил бы. Эгорд согласился, но Витора предупредил. Витор, как ни странно, тоже одобрил. На башне, лежа на краю крыши, «старший брат» держал Милиту над миром, девочка потеряла сознание, а Эгорду на сапог забрался скорпион, жирный как крыса из харчевни. На жале сверкала капелька яда. Перед глазами начало мутиться, Эгорд понял, что сейчас упадут оба...

– Держу!

Вопль Тимориса удивительно тягучий, каждый слог – маленькая вечность. Эгорд чувствует, как сила медленно тащит назад за ноги...

Червь закручивается в полете, сегменты блистают во всей красе, сомкнутый клюв вертится быстро, но его контуры и блики невероятно четкие...

Монстр завершает дугу полета. Сверлящий клюв ударит прямо по жрице. Вытянуть не успеет.

Эгорд метает белый туманный сгусток. Шар нанизывается на клюв, проскальзывает по всей длине, острия меняют цвет с черного на молочно-лазурный, превращение стремительно пожирает весь клюв, сопровождается треском...

Ладонь Эгорда поворачивается на Камалию, с губ слетают вызубренные за много лет слова заклинания, даже не надо осознавать, срабатывают сами. Вокруг жрицы – пленка магического щита, похож на мыльный пузырь, спешно наливается солнечным сиянием.

Червь врзается в щит, ледяная голова разбивается на белые пирамиды и тетраэдры, они разлетаются как пух одуванчика, но спустя миг, будто вспомнив, что тяжелые, падают, разламывают демонам черепа. Следом валится обезглавленная туша червя. Ударная волна раскидывает мелюзгу.

Эгорд вытягивает Камалию, Тиморис – Эгорда.

– Живая? – испуганно выдыхает напарник.

Воин-маг щупает пульс.

– Да.

Берет женщину на руки.

– Надо оторваться от погони, найти спокойное место, лечение отнимет время и внимание.

– Ничего себе задачка! Место ему, видите ли, спокойное...

– Не мне.

Эгорд кивает на побелевшую жрицу.

Тиморис разводит руки.

– И где тут найдешь спокойное?

– Не я, а ты.

– Нашел следопыта!

– У меня руки заняты. Иди вперед, будешь встречать неожиданных гостей. Сзади подоспеют не скоро, там переполох...

Лестница между Эгордом и Тиморисом разламывается, щель с треском растет. Тиморис с перепуганной рожей уносится вверх. Эгорд следом, шаги размашистые, быстрые, но дышит ровно, удерживает ритм.

Беспомощная Камалия в руках словно котенок. Нет, уснувшая кошка. Счастливая, думает Эгорд, не видит этого хаоса...

Над воином-магом мелькает спина Тимориса, белоснежные взмахи сабель. По ступеням катятся половины тел демонов, Эгорд перепрыгивает.

Из-за силуэта напарника выглядывают кромки темного проема.

Выход!

От шага к шагу опора под ногами ощущается слабее, оседает, проваливается...

Последний прыжок!..

В полете взгляд задевает то, что творится внизу.

Пусто...

Глыбы, на которые разваливается колонна, летят вдалеке, посреди зала растет новорожденная гора, по каменной лопе и окровавленным трупам пляшет пыль.

Колени падают в россыпи крупного, как зерна, песка.

Лицо обдает прохлада ветра, в глаза врывается звездная тьма ночи.

Глава 4

– Поверхность!

Тиморис падает, сабли вонзаются в землю по обе стороны, болтаются на них, как на вислолице, грудь жадно меняет удушливую отраву на чистый воздух.

Хотя чистый лишь в сравнении. Пахнет дымом, паленым мясом.

Эгорд озирается.

– Грифовы скалы. Изнутри.

– Вообще-то, здесь, если верить нашей подруге, рассадник демонов.

Сабли вновь наготове, Тиморис вертится, тело согнуто в ожидании коварного броска из тьмы.

– Тут их должно быть больше, чем у Старга.

– Смотри.

Эгорд указывает на звезды в нижней части неба.

Тиморис пристально вглядывается в мерцающие огоньки...

– Это не звезды, – шепчет он.

Эгорд кивает.

– Костры. На скалах.

– Вижу!.. Краснозадые... Копоятся прямо у огня, чуть ли не головы в костер суют!

– Огонь для демонов – как бархат, навредить не может.

– Костров тысячи! Нас наверняка заметили, еще и в темноте зрячие...

– Срочно найди укрытие, лечение отнимет время.

Эгорд чувствует, что трудно сохранять в голосе холод. Вид Камалии, беззащитной, в запекшейся кровавой полумаске, заставляет душу колыхаться.

– Бежим туда!

Сабля Тимориса тычет в грубые треугольники высотой с двух- и трехэтажные дома, из жилистого черно-серого камня.

Эгорд бежит за Тиморисом медленно, старается не трести Камалию.

– Вряд ли там укромно.

– Нашел время привередничать! Бери, что дают!

Мелкие придатки скал растут семьями, как грибы, Эгорд и Тиморис петляют между крутыми, почти отвесными склонами, углубляются в дебри.

Заворачивают в узкий проход между самой большой глыбой и Грифовой скалой.

В полуметре от лиц рассекает воздух длинный хвост, бьет под ноги как хлыст, песок взлетает тучей. По земле, вцепившись друг в друга, катаются два демона. Клубок тел продавливает глубокую колею, след заплетается в узлы, ядро из шипов и красных мышц врезается в то в скалу, то в глыбу напротив, камень хрустит, порастает трещинами. Хвосты бешено извиваются, лупят по песку, демоны отрывисто стонут, воют, хрипло рычат, словно задыхаются...

Эгорд думает, твари что-то не поделили или просто срывают ярость, не дотерпев до битвы с людьми.

Замечает, что демоны, с первого взгляда близнецы, на самом деле различаются. Один крупный, мускулы и роговые наросты грубые, как заготовки скульптора, другой гораздо меньше, движения гибкие, а линии тела не лишены изящества, хвост тонкий, как лента шелка...

На пару мгновений демоны останавливаются, расплетаются. Большой пластом на спине, рычит. Сверху изгибается назад и воет другой... вернее, другая: в свете меча вспыхивают длинные черные лианы волос, налитые бликами груди.

Демоны занимаются любовью.

В следующий миг застывают в той же позе, красная плоть сменяется синевато-белым льдом.

Тиморис задумчиво оценивает свежее творение, кончик сабли поправляет шлем.

– Живописно.

Камалия лежит у Эгорда на коленях. Воин-маг раскладывает на песке флаконы, мешочки, бутылочки, воздух наполняется запахами летнего поля и лаборатории.

Тиморис ходит кругами у ледяной фигуры, любопытный нос то приближается почти вплотную к интересным местам демонессы, то отдалается, взгляд строгий, критичный. Выражение лица меняется каждый миг: брови хмуро сдвигаются, задумчиво подпрыгивают, губы то поджимаются, словно невидимые, то похабно растягиваются в ухмылке.

– Во дают, а! Ну краснозадые!

Камалия открывает глаза, кончик языка слизывает с губ остатки снадобья. Эгорд вытирает лицо жрицы влажным платком, ткань пропитана ароматным целебным раствором.

– Мы в скалах? – шепчет Камалия.

Эгорд запечатывает и прячет емкости.

– Да. Надо спешить, демоны скоро будут здесь.

Глаза Камалии непривычно большие и ясные, как горные озера, в них тонет небо и кромка скал.

– А они уже...

Рука жрицы слабо поднимается, палец указывает вверх.

Эгорд запрокидывает голову.

Тиморис осторожно, как бы невзначай, тянет руку к демонессе, кладет на грудь. Смотрит в сторонку, посвистывает, будто ни при чем, знать не знает, что вытворяет рука, а пальцы тщательно изучают округлость, лицо мнет оценивающая гримаса.

Эгорд помогает жрице встать.

– Тиморис, взгляни наверх.

По отвесной скале текут вниз сотни и сотни демонов, шеренги мелькающих лап и хвостов стягиваются к людям. Сочный алый демонопад окутан шипящей пеленой.

– Скоро тебя обнимут тысячи таких красавиц, – обещает Эгорд, поддерживает Камалию за плечи.

Тиморис отдергивает руку от ледяной груди, глаза взбухают, демоны прут волнами, как море крови.

Троица бежит по хаотичным изгибам лабиринта. Тени беглецов мелькают между грубыми каменными клыками.

Камалия спотыкается, тихий крик, растягивается на остром щебне. Эгорд подхватывает женщину на руки, догоняет Тимориса. Ноги, как ни странно, несут вдвое быстрее, почти не касаются земли. Хочется бежать быстрее, прижимает к груди теплый комочек по имени Камалия, переполняет жажда защитить, спасти, уберечь женские глаза от ужасов войны.

Врываются в открытое пространство. Всюду человеческие следы, рядом утес, из-под которого выбрались из подземелья.

Демоны со всех сторон. Передняя дуга горизонта залита кишащими лапами, костяными бритвами, глазами жидкого огня. Позади каменные джунгли – скоро изрыгнут лавину демонов, шипение и рев затопляют равнину.

– Нам конец! – вопит Тиморис. – Их как мух в яме!

Небо озаряется вспышкой, тролица задирает головы. Огненный цветок распускает лепестки, тут же истончается, гаснет, Эгорд успеваешь заметить, что цветок растет из пасти дракона, в густой синеве проступают черные силуэты крыльев.

– Ящерица! – взвизгивает Тиморис как принцесса перед крысой. – Нам большой и страшный конец!

Эгорд гремит:

– Прикройте тыл!

Камалия мгновенно исчезает из объятий воина-мага, Тиморис ноет, мол, раскомандовался, сам бы подержал такую толпу, но послушно разворачивается, блики сабель выпирают навстречу угрозе.

Эгорд сосредотачивает магическую силу в руках, меж ладоней закручивается синеватый еж. Демоны приближаются, тонкая красная полоска жиреет, уже красная стена, все выше и ближе.

Небо вновь вспыхивает огнем. Эгорд выбрасывает руки к дракону, кошмарная снежинка срывается, уносится в кромешную синь, перерастает в ледяной таран. Чудовищный вой, сквозь него пробивается звон ледяных осколков, высоко во тьме загораются глаза. Полные ярости, вонзают взгляд в Эгорда.

Дракон срывается вниз, к обидчику, так резко, что Эгорд через огромное расстояние чувствует воздушный порыв.

Из камней сзади вываливаются демоны, рычащая туча плоти обволакивает Камалию и Тимориса, но спутники отчаянно не пускают тварей к воину-магу. Камалия под щитом света, пускает во все стороны слепящие лучи, каждый нанизывает десяток-другой монстров, дырявые тела падают, выкладываются в полосы, из них громоздятся красные горные хребты. Тиморис крутится как вихрь, сабли прорубают в воздухе белоснежные тугие спирали, демоны разлетаются тонкими кровавыми лоскутами.

Передняя армада демонов приближается, земля грохочет от тяжести мясной волны. Но демонов обгоняет крылатый ящер.

Злые драконьи глаза растут, словно звезды за мгновения превращаются в луны, половина неба выцветает до глубокой черноты, это силуэт, крылья как веер из копий, перетянутый черной кожей.

В ладонях Эгорда новая сфера, ледяная пыль хрустит, стягивается в узел.

Дракон проносится в нескольких метрах над землей, бросает к Эгорду лапы, сверкают темные мечи когтей.

– В сторону! – орет Эгорд, прыгает вбок.

Тиморис и Камалия отлетают кто вправо кто влево.

Когти ящера вспарывают землю, от глубоких длинных борозд стреляют тяжелые комья, туша врезается, ударяет крыльями, полсотни демонов расплющены в кашу, исчезают в пыльных насыпях.

Эгорд перекачивается, вскакивает, тело упругим луком толкает ледяной шар. Снаряд бьет дракону в ноги. Чудовище врастает в глыбу льда, пытается вырваться. Крылья вздымаются, ветер рева отрывает ближайшим демонам головы, вслед за ним из пасти – жирный огненный червь, извивается, раскидывает мелких визгунов как пушинок, Камалию спасает световой щит, наливается белизной в попытке сдержать напор. Крылья и хвост обрушиваются, земля вздрагивает, глыба льда вспыхивает белыми надломами, но еще держит ящера.

Эгорд широкими прыжками опускается на спину дракона, руки вцепляются в гребень, воин-маг продвигается к шее.

– Скорее сюда! – пытается перекричать орду демонов и громадную скалу с крыльями. – Сюда, пока не вырвался!

– Совсем башкой долбанулся! – доносится из толпы мужской голос. – А-а, да отвалите, краснозадые!

Камалия тут же устремляется к дракону, из-за щита жрицу не разглядеть, кажется, что на спину монстра закатывается шар света. По другую сторону из толпы выныривает человечья рука, Эгорд хватает, вытягивает. Тиморис в крови демонов, глазища колотятся как два придаточных сердца.

Эгорд сжимает гребневый бивень крепче, взгляд устремлен высоко.

– Держитесь!

Хруст, брызги льда, крылья подбрасывают тяжеленную рептилию как бумажного змея.

Тиморис, не выпуская сабель, оплетает костяной шип, как обезьяна, что удрала от тигра с земли на дерево.

– Бес тебя выезди, Эгорд, на весь череп езданутый!!!

Камалия держится удивительно легко и спокойно, одной рукой, плавно балансирует, волосы заплетаются в танце.

Дракон взлетает над скалами, становится заметно, что воздух перемешан с лучами расвета, медный сумрак делает людей похожими на големов, словно только что отлиты для украшения какого-нибудь храма.

Армия демонов с высоты как неприметная красная лужа, но скалы... Оказывается, высококаменное кольцо, Грифовы скалы, где отчаянно сражалась троица, – лишь крохотная часть настоящих Грифовы скал. Таких колец внизу десятки, а то и больше, прижаты друг к другу, как пчелиные соты, даже с высоты трудно оглядеть скалы от края до края.

– А почему скалы Грифовы, а ни одного грифа? – излишне громко спрашивает Тиморис, глаза не могут оторваться от страшной высоты, воин липнет к гребню, кажется, что сейчас упадет.

Эгорд с улыбкой смотрит на золотое солнце, так приятно увидеть вновь.

– Там, где демоны, нет живых созданий, ты уже спрашивал в подземелье.

– Но мы-то живы! – с нажимом кричит Тиморис. – Ведь живы? Или уже того... на небе?

Эгорд и Камалия переглядываются, на лицах улыбки.

– Чего ржете?! – обиженно воеет Тиморис, глаза опять вниз, руки стискивают драконью кость ту же. – И куда этот зубастый нас несет?

Эгорд вглядывается в горизонт.

– Скоро узнаем.

Ступни ощущают, как перекатываются под толстой чешуей валуны мышц, тело воина плавно поднимается и опускается на этих живых волнах, в такт движениям крыльев.

Дракон оглядывается, злобный глаз цепляет наездников, ящер то и дело переворачивается, выгибается, но сбросить не удастся, всадники всегда готовы к подвоху, самый готовый, конечно, Тиморис, даже предостерегать не нужно, жметя к гребню, словно к распутной служанке.

Вдалеке силуэт одной из скал выделяется на жидком золоте рассвета прямыми углами. Проступают контуры башен, окон, лестниц...

– Дракон летит туда, где хочет от нас избавиться, – говорит Камалия.

– Или хочет, чтобы избавил хозяин, – добавляет Эгорд.

– Вы о чем?

Тиморис переводит взгляд с одной на другого и обратно, даже от высотобоязни отвлекся, уже подвиг.

Эгорд рассматривает очертания цитадели.

– Крепость Клессы.

Огромное строгое укрепление кажется заброшенным, Эгорд вглядывается в лестницы, что оплетают мощное каменное тело, как выюны – древний дуб, всматривается в узкие окна, но ни одного демона...

Факелы, чаши, пасти грозных статуй изрыгают огонь по всему периметру, вдоль и поперек, словно звенья огненных цепей, языки пламени сочностью и живостью будто замещают отсутствие в крепости живых существ.

Дракон подлетает к широкой горизонтальной крыше, на краю возвышается круглое строение с массивными воротами, надстройку оплетают каменные щупальца, на вершине изваяние раскинувшей крылья птицы.

– Нужно прыгать, – громко говорит Эгорд.

– Эгорд, от твоих безумств у меня волосы поседеют! – В протестующем напоре Тимориса нотки мольбы.

– Здесь невысоко. Если верно приземлиться...

– Да я не про это! Как только мы окажемся перед носом этой ящерицы, она нас поджарит! Камалия поворачивает на Эгорда серьезный взгляд.

– Он прав. Надо что-то придумать.

Эгорд неохотно погружается в мысли, трудно, когда кровь бурлит от грозящих со всех сторон опасностей, но именно эти угрозы и заставляют спешно искать решение.

Взгляд изучает блестящую чешую.

– Когда спрыгнем, нужно навесить на дракона щит, – обращается к жрице Эгорд. – Двусторонний.

Камалия задумчиво смотрит на Эгорда, губы складываются в улыбку, кивает.

Тиморис напуган.

– Чего удумали? Вообще-то щиты нужны нам, а не этой...

Крыша возникает под драконом внезапно, плиты мелькают как песчинки в гигантских часах.

– Прыгаем! – выкрикивают Эгорд и Камалия, отталкиваются.

– А-а-а!

Тиморис валится следом.

Дракон круто замедляется, словно встающий на дыбы конь, тело и крылья поперек ветра, туша по инерции еще летит вперед, но разворачивается, в пасти зарождается густое пламя.

Эгорд набрасывает на монстра щит, еще не коснувшись ногами опоры. Перекатывается с гибкостью пантеры, встает на колено, руки выбрасываются к дракону, заряжают щит силой. Камалия подпитывает сферу лежа, Тиморис осторожно поднимает жрицу, ставит на ноги, Камалия не отвлекается, взгляд и руки направлены на щит.

Сфера быстро наливается светом.

Очаг пламени в глубине драконьей пасти взрывается, огонь выталкивается. Черно-оранжевый столп врезается во внутреннюю поверхность щита, пламя отражается, заполняет сферу, дракон тонет в огне, гул беспощадной стихии перемешан с воем, то и дело выныривают крылья и голова, бьются в щит, как в стекло, но вырваться не могут...

Воин-маг и жрица опускают руки, щит гаснет, остатки пламени вырываются упругим бутонем. На холодные плиты падает кроваво-черное тело, крыша вздрагивает, дракон дергается в мучительной агонии.

Эгорд шепчет заклинание, резко поднимает руку, словно бьет кого-то в нижнюю челюсть. Под драконом мгновенно вырастает ледяной сталагмит, прозрачная волнистая пика вылезает из горла, ящер открывает пасть, будто удивлен, затихает.

У Тимориса вид, словно сейчас заплачет.

– А почему сторел, если демоны не горят? – спрашивает не своим голосом.

– Драконы – полукровки, – отвечает Камалия. – Искусственные создания Зараха. Демоническая кровь перемешана с кровью наших рептилий.

– Значит, логово этих птичек не здесь?

– Нет, здесь лишь малая часть для поддержки наступления Клессы, гнезда драконов за океаном, в цитадели Зараха.

– Сперва разберемся с Клессой, – твердо говорит Эгорд, разворачивается, шаги приближают к воротам.

Заперты наглухо, даже прорези меж створок не разглядеть. Выдолблены словно для отвода глаз, а на деле – обычная стена.

Эгорд замораживает кусок ворот.

– Камалия, расплавь, – отходит в сторону.

Вспыхивает ослепительный луч, лед растекается темными ручьями.

Жрица опускает руку, пар отплывает, Эгорд входит первым, меч наготове, следом ныряют сабли Тимориса, воин по-звериному сгорблен, ждет ударов из-за угла, жрица скользит легким призраком.

Глава 5

Троица выходит на круговой карниз.

Внизу громадный, на всю ширину башни, котел: бурлит, сияет чем-то, похожим на лаву, только эта оранжевая масса кажется легкой, будто смешана с воздухом, туман из лавовых капель. От котла уходит вниз широкая, как в королевском дворце, лестница. Демоны бредут к чану с огненным туманом сплошной рекой, ступени не разглядеть из-за потока красных тел.

Демоны падают в котел, облако таинственной лавы превращает в желтые зернистые россыпи огня, растворяет мгновенно.

Тиморис жметя к стене всем телом, глаза дрожат страхом оступиться, упасть.

– Что это?

Жрица подается на край карниза

– Портал! Отсюда демоны телепортируются за пределы скал.

– А у меня чувство, что не телепортируются, а просто... Может, это жертвенный алтарь? Краснозадых же мясом не корми, дай кого-нить убить, хоть себя, если под рукой никого...

– Портал, – уверенно кивает Камалия.

Эгорд прячет меч в ножны, руки оплетаются снежными вихрями.

– Отлично. Пора это безобразие прекратить.

От пальцев разлетаются хрустящие ледяные ленты, сплетаются в сеть, парующий холодом купол накрывает портал, лед во всех формах – снег, пыль, осколки – сыпется в котел.

Но происходит то же, что с демонами: растворяется желтой светящейся массой, исчезает бесследно.

– Бесполезно, – качает головой Камалия. – Лед телепортируется.

Тиморис чешет в затылке.

– И что делать? Только не говорите, что перекрыть лестницу нашими героическими телами!

Эгорд и жрица переглядываются...

Тиморис переводит глаза то на жрицу, то на воина-мага.

– Нет... Нет-нет, вы чего... Я пошутил!

– Хорошо пошутил, – хвалит Эгорд. – Идемте.

Троица обходит котел по карнизу, Тиморис что-то злобно бормочет, глаза косятся вниз, бьет себя по щеке за длинный язык.

Эгорд соединяет пальцы в магические знаки, шепчет заклинание, лестницу накрывает метель ледяных игл. Спрыгивает, ловит Камалию, мягко опускает на ступеньку, следом Тиморис, перед ними склон белого сияющего льда, статуи замороженных демонов. Позади демоны, что не успели прыгнуть в котел, брызжущие слюной пасти бросаются на незваных гостей.

Тиморис рывком навстречу, слепит тварей бликами сабель, двое тут же падают без голов.

– Я ими займусь!

На том конце лестницы демоны впадают в ярость, такую понятную и приятную, сгодится любой повод, и вот он свалился с неба – трое наглых человечешек! Демоны обнажают челюсти, губы дрожат, глаза вспыхивают огнем. Волна когтей и зубов бьет вверх тяжелым напором, вдребезги разлетаются первые ледяные статуи, осколки прочерчивают в воздухе синеватые линии, проносятся между троицей.

Камалия пускает через лестницу очередь лучей. Демоны превращаются в пепел один за другим, но это – капля в красной реке.

Твари заполняют весь проем лестницы, текут друг по другу, спины трутся о потолок, некоторых вдавливают в стены, хруст костей похож хруст снега, когда по нему идет толпа. Эгорд

бросает на живой поток демонов еще одну метель. Твари застывают, белеют, образуется сплошная ледяная стена.

Тиморис лежит на краю котла, сабля обеими руками выставлена поперек, лицо искажено от усилий, пытается сдержать последнего демона, тот навалился, шелкает пастью в жажде откусить голову.

Вспыхивает луч – и демон оседает на Тимориса облаком горячего пепла.

– С-с-пасибо...

Воин обнаруживает, что Камалия уже поставила его на ноги.

По ту сторону льда глухое рычание и удары, стена белоснежных демонов стонет расползающимися трещинами.

Камалия встает рядом с Эгордом, руки нагреваются, готовы пустить череду лучей.

– Барьер долго не продержится. Их тысячи, а мы едва ли сдержим пять сотен. Рано или поздно нас разорвут, демоны ринутся через портал.

– И какой безумный план на сей раз? – ехидно осведомляется Тиморис, косится на Эгорда.

Воин-маг пристально смотрит на дрожащую ледяную толщу.

– Найти Клессу.

– Ты хотел сказать «пробиться к Клессе»? – злорадно говорит Тиморис. – Потому что найти, прогуливаясь и посвистывая, не получится, уж извини!

– Главное – найти. А пробиться или прогуляться, не важно.

– Очень даже важно! Нас раздавят как тараканов!

– Когда пробивались к башне, шансов было меньше.

– Там было, где развернуться, а тут как в тисках! И еще там был конь! Нет, два коня!

И еще...

– Выбора нет, – спокойно, но бескомпромиссно перебивает Камалия. – Это не повод отступать, тем более, когда прошли столько. От нас зависят не только наши жизни.

– Отлично, – вздыхает Тиморис, сабли висят в руках уныло, воин склоняется над убитым демоном, вырезает на его груди символ.

– Хорошая идея, – кивает Эгорд с улыбкой.

– Да уж лучше ваших, – ворчит Тиморис.

Спустя минут пять все тела помечены черными от демонической крови рунами. Руки Эгорда медленно танцуют, из мертвецов роится энергия, похожая на алый песок, рубиновые облака устремляются в ладони воина-мага.

Резкими движениями Эгорд отражает часть «песка» в сторону Камалии, затем на Тимориса. Облака впитываются в троицу.

Тиморис бодро подпрыгивает.

– Хотя что-то приятное. Прилив сил, будто неделю дрых и кувыркался с... э-э...

Косится на жирицу, затем в пол, смущенно кашляет, лицо резко к Эгорду.

– А это не заразно? Ну, в смысле, не превратимся в краснозадых?

Эгорд вынимает меч, взгляд опять буравит лестницу.

– В демонов превращают пороки.

– Хочешь сказать, у меня большие шансы? Спасибо на добром слове, дружище.

– Предостережь от темного пути – тоже знак дружбы, – мягко замечает Камалия.

Ледяной щит надламывается вдоль и поперек, трещины толщиной с корабельные канаты выпячивают белые глыбы, с той стороны мощные удары, хочется заткнуть уши.

Щит разлетается, троица врассыпную от смертоносных ледяных камней, те врезаются в стены, выбивают плиты в соседние помещения, осколки расчерчивают лица и ладони блестящими царапинами.

В проеме огромный, до потолка, демон. Торс в массивных остроплечих доспехах, красные руки туго связаны из мускулов, их венчают скрюченные морщинистые, как у птиц, кисти. Вместо ног – четыре длинных черных то ли щупальца, то ли хвоста, извиваются, молотят по стенам и ступеням, прочный камень легко взрывается до каши из мелкого щебня. Ртом служит широкий клюв, на голове прямые как ножи черно-красные перья, за спиной гигантские крылья в таких же перьях.

Сабли в руках Тимориса трясутся.

– Д-дай угадаю...

– Клесса! – кричит Камалия.

Демон распаивает клюв, Тиморис и Камалия падают на колени, руки со всей силы давят на уши – не пустить в головы чудовищный вой. Воздух трепещет частыми волнами, выгнутыми в сторону троицы.

Эгорду с трудом удается стоять, ноги расходятся, упираются в шершавую твердь, но подошвы все равно проскальзывают назад, к порталу... Grimаса боли, рука закрывает ухо, другая стискивает меч, держит бесполезную сталь перед собой, будто пытается заслонить от звукового шторма.

Щупальце-хвост летит черной молнией, бок громадного хлыста врезается в людей, так быстро, Эгорд даже не успевает ощутить удар.

На миг перед глазами возникает потолок, смыкаются хлопья оранжевого тумана...

Вспышка белого, мир переворачивается, следом бьет осознание, что переворачивается не мир, а сам Эгорд, катится по горячим острым камешкам в тучах пыли.

Над головой раскаленное небо, далеко впереди город, Старг или другой, по руинам трудно понять былые очертания, да и мешают дым с огнем. Сферы осадных башен ведут обстрел, алые молнии проламывают воздух, ныряют в город лента за лентой.

Позади – Грифовы скалы, исчезают высоко в небе, Эгорд в полусотне метров от подножия.

Всюду громыхающие толпы демонов, текут на город. Твари появляются из воздуха вдоль всего подножия: растет оранжевый туманчик, стекается в силуэт, вспышка – и на землю падает хищная красная бестия, тут же вливается в поток.

– Нам крышка! – вопит Тиморис, едва удается разглядеть мечущуюся фигуру с саблями за яростным ветром тел и горящих глаз.

– Мужайся, воин! – Гневный голос Камалии не узнать. – Лучше погибнуть в бою за свет, чем бежать! Прими гибель с честью!

– Да тут и бежать некуда!

Воин и жрица отчаянно сопротивляются наплыву демонов, точнее – его случайным оттокам, если бы на людей обратила внимание вся масса, от них не осталось бы кровавой пыли.

Эгорд позволяет бешенству ворваться в голову и сеять там бандитский хаос. Лишь это чувство спасает от понимания того, что случилось. Но понимание нарастает, давит, и Эгорд бросается в бой так яростно, словно сам – демон.

Клесса расправился с ними как с детьми, швырнул в портал, и теперь они в начале пути. Столько опасных шагов пройдено, столько монстров повержено, столько раз вырвались из лап смерти... И все зря. Клесса создаст новых тварей, города падут.

Начать заново?.. И снова быть отброшенными? Вряд ли хватит сил и воли... Да и разорвут через минуту-другую...

Лед убивает, а словно только вчера на летнем поле Эгорд ваял изо льда фигуры, тело и пальцы танцевали, будто принадлежали монаху восточных земель, которые учатся бою у тигров и змей. Волокна и пластинки твердой воды ткались в воздухе почти так же легко, как в воображении, солнце помогало шлифовать – истончало, делало изящнее. Росли ледяные цветы и деревья, прозрачные листья колыхались на ветру, потрескивая и тут же сращиваясь, свет

играл вылепленный из радуги как щенок. Рядом Милита в белом платье плела венки из ромашек, Витор расчесывал ей волосы, влюбленные целовались на траве.

Они останутся неотомщенными. Эгорд не сдержит клятву!

Нет!

Пелена безумия расплывается, взгляд обретает ясность, Эгорд оглядывается, различает каждый камень, каждый зуб демона, пылинки все до одной, ищет зацепку, что приведет к спасению. Находил же выход раньше! И сейчас где-то есть...

На Грифовой скале уступ, похож на пещеру. В нескольких десятках метров над землей.

Эгорд ураганом прорубается к спутникам, меч и лед в едином вихре раскидывают куски демонов.

– За мной! К скале!

Тиморис, спотыкаясь, несется за воином-магом.

– Что задумал?!

– То, что обычно не любишь!

– Согласен на любую безумную идею! А-а, отвалите, краснозадые!..

Жрица бежит с другой стороны.

– Наверх?

– Да! Щиты на всю силу!

Эгорд окружает шарами света себя и спутников, Камалия вливает в щиты магическую подпитку, спасибо Тиморису, вовремя напомнил подкрепиться силой убитых демонов.

Троица налетает на скалу, пальцы вгрызаются в камень, жадно цепляются за выступы и впадины, мышцы пылают от натуги, работают, подтягивают, дыхание рычит, хрипит, ноги судорожно ищут любую опору.

Орда копошится внизу, но рядом опасно кружат крылатые демоны. Лапы тянутся сорвать беглецов, свет щитов испепеляет красную кожу, твари с криками отлетают. Самые наглые пытаются сбить всем телом. Одна пикирует с огромной скоростью, Эгорд успевает прижаться к скале, демонесса задевает край щита, падает обожженная, Эгорд удерживается с трудом.

Время растягивается, начинает казаться, что вот так карабкаются с рождения и будут лезть до старости, безрассудно, хрипло, на звериных инстинктах.

Летучий демон врезается в Тимориса, воин падает, дико орет. Эгорд повисает на руке, другая метает заклинание, на скале мгновенно растет белая ледяная глыба, как гриб-трутовик, только вогнутый. Тиморис падает в ледяную чашу, та с треском надламывается, перепуганный воин успевает вцепиться в скалу, чаша рассыпается, осколки бьют монстрам черепа, дырявят крылья.

Эгорд упорно карабкается, запускает руку в очередную выбоину, та удивительно глубокая. Подтягивается.

Пещера!

Воин-маг забирается, тянет Камалию. Слева кричит крылатая демонесса, хочет сбить жрицу. Эгорд резким движением замораживает крыло, встречный поток воздуха обламывает, демонессу уносит в сторону, завихряет.

Последним вползает Тиморис, рожа затравленная. Эгорд заравнивает вход льдом, свет едва просачивается сквозь мутную толщу, воин-маг оставляет щель для воздуха.

Пещерка тесная, приходится нагибаться...

За поворотом тупик, но повыше, можно распрямиться.

Троица садится вокруг булыжника, Камалия заряжает его светом, теперь камень сияет лучиками, озаряет грубые стены и хмурые лица, но черных теней больше.

Молчат, нагревают воздух ядовитым дыханием, легкие и разум не могут прочиститься.

Тиморис снимает шлем, вытаскивает подкладку, Эгорд наполняет «котелок» льдом, подносит к светящемуся камню, лед растапливается через три минуты. Талой водой споласкивает

шлем. Новая порция льда через край, вода парует, пузырится, выплескивается. Эгорд открывает торбу, на ладони появляется мешочек, в воду ровными струйками опускаются сухие травинки, похожи на зеленую пыль, по пещере расплывается удивительно приятный освежающий аромат, Тиморис жмурится, улыбается, Камалия с закрытыми глазами вдыхает успокаивающий запах.

Эгорд охлаждает напиток, после такой суеты на горячее не тянет, под доспехами и так все горит. Сумрак наполняется журчанием, каждые секунд пять кто-то отхлебывает, шлем ходит по кругу.

– Все пропало, – говорит Тиморис. – Столько прошли зря.

Эгорд делает глоток, передает Камалии.

– Не зря. Теперь знаем, что хотя бы добраться до Клессы возможно. Попытаемся еще, учтем ошибки, за это время подумаем, найдем у Клессы слабое место.

– Заново? Это же... свихнуться...

– Лучше смотреть, как твой мир крушат тупые мерзкие твари?

– Нет, просто... устал, в голове не укладывается, через все это придется опять...

– Говорю же, учтем ошибки. Например, выяснили, что можем оседлать дракона, а значит – не надо спускаться в подземелье, можно прямо здесь подкараулить дракона, летают не так уж редко, привлечь внимание, в общем, по тому же плану.

Камалия указывает на меч Эгорда.

– Что это?

Кончик клинка в необычной крови – синей.

– Кровь Клессы, – отвечает Эгорд. – Выставил меч вперед за пару секунд до удара. Видимо, поцарапал ему хвост.

– Приставучая, – замечает Тиморис. – Столько демонов порубил, а она как припаялась...

Камалия смотрит на синюю кровь очень странно.

– А что? – с трепетом спрашивает Тиморис, блики в глазах оживают.

– Знаю заклинание... – подавленно начинает Камалия. – Может помочь...

Эгорд и Тиморис внимательно смотрят на жрицу, Камалия продолжает еще мрачнее:

– Оно превратит нас в материю, из которой сделаны мысли, перенесет сквозь пространство и время в разум Клессы.

– Ого!.. Мы что... можем стать мыслями и попасть в голову этого уродца?

– Да. Нужна лишь кровь того, в чьи мысли хотим проникнуть.

– Ха, так это ж халява!

Тиморис подпрыгивает, задорно взмахивает кулаком, физиономия светится щенячьей радостью. Смотрит на совсем уж поникшую Камалию.

– А чего такая грустная?

Жрица чуть не плачет.

– Это заклинание Темного Ордена. Моя честь будет запятнана!

– И что? Подумаешь, главное...

Эгорд наступает Тиморису на ногу, тот резко умолкает, глаза на лоб, губы беззвучно складываются в слова не для ушей жрицы.

Воин-маг берет женщину за руку.

– Камалия. Это заклинание сильно облегчит задачу, сэкономит уйму сил и времени, спасет тысячи жизней. Но послушай, Камалия...

Эгорд обнимает жрицу, в остекленевших глазах женщины дрожит что-то очень горькое.

– Если откажешься, никто не осудит. Слышишь? Просто попытаемся снова, накопим силы, пробьемся в крепость, все получится.

Камалия отворачивается к стене, долгое молчание, ни единого движения. Эгорд смотрит на лучистый камень, заряд света заканчивается, поверхность тускнеет...

Через какое-то время к разглядыванию блекнувшего камня присоединяется Камалия. Жрица вытирает влажную дорожку слезы.

– Что ж... Придется ненадолго стать темным магом. От нас зависят судьбы тысяч людей, не время думать о себе. Но за этот поступок я отвечу. А пока...

Камалия готовит три порции чернил – из крови Клессы, своей крови и смесь обеих кровей. Пальцы рисуют на стенах остроугольные знаки. Находит в песке несколько булыжников, выкладывает широким кругом, вскоре камни венчают похожие символы. В центр кладет камень, что заменял костер, почти остывший, мерцает как уголек, жрица украшает его крупным грозным знаком, кровь Клессы переливается, словно живой слизень.

– Спасибо, Эгорд, – шепчет Камалия, моет руки в облаке ледяных крошек, что текут из ладони воина-мага. – Без тебя бы не решилась, а это нужно.

– Не вини себя. Виноват Зарах, Клесса, я, но никак не ты.

– Нельзя себя оправдывать. Иначе привыкну, начну прощать себя за каждый проступок, встану на путь демона. Меня ждет кара за содеянное, но сейчас надо спешить.

– Хорошо.

Эгорд находит Тимориса за углом, у ледяной двери, тот переминается с ноги на ногу, посвистывает.

Воин-маг тянет спутника за плечо.

– Куда пропал? Пошли.

– А?

Тиморис поворачивает голову резко, будто заметил лишь сейчас.

– Уже закончили? Быстро...

Взгляд Эгорда становится подозрительным.

– Закончили что?

– Ну-у...

Тиморис опускает глаза, рука чешет затылок, потирает нос.

– Вам же надо было это... уединиться... А че, я ж понимаю, ну-у... это самое...

Эгорд вздыхает, качает головой.

– Кто о чем, а ты о своем. Пошли уже...

Троица встает в круг, между внешним кольцом камней и центральным камнем.

Жрица вздергивает руки, пальцы хищно сгибаются, с губ срываются непривычно резкие рычащие интонации, глаза наливаются злостью, в движениях что-то пугающее, плотоядное, Тиморис цепенеет от ужаса.

Символы на стенах и камнях загораются сиренью, сливаются в вихрь. Люди превращаются в нечто светящееся, формы сохраняются, но вместо плоти – синие звезды разных размеров, от горошинки до яблока.

Глаза медленно заливают белизна.

Она приобретает очертания, местами наливается прозрачной волнистой лазурью, но не исчезает. В какой-то момент до Эгорда доходит: и не исчезнет, потому что это – снег и лед.

Глава 6

Оборачивается, Камалия и Тиморис тоже озираются, запрокидывают головы, их фигуры в крови и пыли на фоне чистых светлых оттенков особенно четкие.

– Мы точно в мыслях Клессы, а не этого парня?

Тиморис тычет в Эгорда.

– А то льда многовато...

Такое впечатление, что давным-давно здесь бушевала морская буря и в разгар стихии вода мгновенно замерзла, а низины между волнами завалило снегом. Более того, в ледяных скалах кто-то вырезал прекрасные дворцы, башни, лестницы, стены, прогрыз ровные пещеры, лабиринты коридоров. Дикие кривые нахлесты удивительно перетекают в прямые углы и грани, невозможные без участия разума.

– Это объяснимо, – говорит Камалия. – Помните, как выглядит Клесса?

– Попробуй забудь! – хмыкает Тиморис. – Уродец пернатый, каких свет не видел!

– Именно. Наполовину птица.

– То есть... авиан? – понимает Эгорд.

– Да.

Тиморис хмурится.

– Кто-о-о?

– Авианы – раса людей-птиц, – объясняет Эгорд. – Живут далеко на севере, в ледниках, в дела прочих рас почти не вмешиваются, потому о них мало кто знает.

– Выходит, Клесса – демон лишь наполовину, – продолжает мысль Камалия. – Когда-то был обычным авианом, жил во льдах, а мы в его воспоминаниях.

Тиморис осматривается, глаза прищурены из-за ярких отражений света.

– Это еще ничего. Занесло бы память настоящего демона, купались бы в лаве...

Троица бредет по хаотичным изгибам снежных улиц, надо быстрее, но внимание невольно пытается обозреть величие ледяных строений, головы крутятся, глаза разбегаются...

Выходят из ледяного города, открывается необъятная равнина снега с редкими ледяными рифами.

Камалия подается вперед.

– Смотрите!

На горизонте – каменная крепость, та самая, откуда троицу прогнал Клесса. Те же вереницы факелов, по желобам текут реки сияющего жидкого металла, пепел как рой гигантского улья.

– Нам туда! – кричит Камалия. – Клесса сейчас занят переброской демонов за Грифовы скалы, в первую очередь думает о том, что видит. Он там! А эти снежные просторы – окраина сознания.

– А этим ребятам, видно, тоже туда...

Тиморис указывает налево.

В полусотне метров из ледяного города выбегают десятки прозрачных людей с длинными шипами на голове, спине и вместо пальцев. Проходящий сквозь них свет чуть синеватый.

– Элементалы льда, – говорит Эгорд.

– А эти?

Тиморис тычет чуть выше.

Над плотной вереницей элементалов летит десяток существ, похожих на людей, но тела и крылья в белых перьях, конечности венчаются птичьими лапами, вместо ртов – широкие треугольники клювов.

– Не догадываешься? – косится на воина Эгорд.

– А, эти... павианы!

– Авианы.

– Во-во! Красиво летят...

– И прямо к нам, – с тревогой сообщает Камалия.

Действительно, два авиана отделились от потока, повернули к троице, силуэты размашистых крыльев стремительно растут, разносятся пронзительные крики, похожие на крик Клессы, только слабее.

Эгорд разворачивается.

– В город! Там тесно, не смогут маневрировать в воздухе.

Троица ныряет в ледяные джунгли города, снег хрустит под ударами ног, Эгорд то и дело оглядывается, авианы вот-вот покажутся из-за поворота...

Мощный удар в грудь отбрасывает назад, неведомая сила тенью проносится над опрокинутым Эгордом.

Воин-маг поднимает голову, стряхивает с лица снег.

Авиан в кольчужных штанах бросается к Тиморису, когтистая нога бьет с разворота, воин успевает пригнуться, вонзить саблю в живот, острие вылезает меж крыльев, в густой синей крови. Клинок, потрескивая, превращается в лед.

Хищный взгляд авиана становится острее, из клюва вырывается вой вперемешку с ледяным облаком, Тиморис вовремя отпрыгивает, сабля ломается, в руке бесполезная рукоять. Авиан делает два натужных шага к Тиморису, падает.

Сзади женский крик.

Камалия пытается подняться, на нее с огромной скоростью пикирует авиан, крылья сложены, летун в коконе воздуха похож на белесую комету. Навесить щит и даже откатиться жрица не успеет...

Эгорд кидает меч. Авиана отбрасывает за миг до столкновения с женщиной, тело бороздит снег, вздымает белую пыль.

Эгорд поднимает Камалию, вытягивает меч из черепа авиана.

Тиморис разглядывает свою жертву опасно, вдруг оживет.

– Ловкие ребята. Если нападут толпой, шансов у нас никаких. Бьют прицельно, осознанно... Эй, вы куда?! Нас там разорвут!

Тиморис догоняет спутников, Эгорд и Камалия выбегают из города. Отряды ледяных элементалов и авианов вытекают из города слева, справа, над головами троицы, все стягиваются к крепости.

Эгорд вглядывается в горизонт, один из отрядов уже достиг подножия крепости, там какая-то суматоха.

Тиморис обижен, будто все понимают, только он тугодум.

– Что происходит?

– Может, – предполагает Камалия, – Клесса мечтает, чтобы его родичи присоединились к демонам в захвате мира?

Эгорд шепчет заковыристое, но полезное заклинание, зрение обостряется, можно видеть даль увеличенной.

– Вряд ли... Авианы у крепости, дерутся с демонами.

Тиморис напряженно следит за пролетающими над головой авианами, спина по-звериному согнута, сабля ждет новой атаки.

– Да, не похоже на дружбу.

– Камалия, знаешь язык авианов? – спрашивает Эгорд.

– Не весь, только основу.

– Бежим к крепости.

– Нас же на куски... – Тиморис хватает ртом воздух, как рыба на берегу. – И не демоны, а эти птички!

– Враги наших врагов – наши друзья.

– Да что за... – Тиморис сплевывает. – Эгорд, ты хуже любого демона, дракона, павиана, и вообще, ты... Да ну тебя!

– Получится.

– А если нет?! Мне даже воевать нечем! Эти петухи любую вещь превращают в лед, прям как ты... Они ж вторую саблю загубят!

– Дай.

Эгорд отбирает саблю, рука медленно плавает туда-сюда вдоль клинка, сталь обрастает толстой ледяной коркой. Воин-маг достает из торбы кинжальчик, чертит на льду вереницу символов, с обеих сторон. Шепчет заклинание... Руны наливаются бирюзовым светом.

Двумя резкими движениями затачивает ледяное лезвие, бросает Тиморису.

– Теперь не сломается

Тот неловко сгребает в охапку, пялится на новое оружие как сова.

Эгорд разворачивается, бежит к крепости, Камалия за ним.

Тиморис, залюбовавшись саблей, срывается запоздало.

– Эй, не бросайте меня!

Бегут цепочкой, дыхание шипит хором, крепость увеличивается, внушает трепет.

Битва авианов и элементаров с демонами видна без всяких заклинаний, разносится рычание, высокий птичий вой, звон стали и глухие взрывы льда. Войска продолжают стягиваться. Элементары сплошной стеной трясут землю, точнее, вечную мерзлоту, снег под лесом ног перемальвается, плывет искрящимся на солнце туманом. Вдоль полосы элементаров летят авианы, силуэты тел едва различаются на фоне огромных хлопающих крыльев.

– Ну вот, допрыгались...

Тиморис вяло тычет вправо, Эгорд и Камалия поворачивают головы, троица замирает.

Навстречу несется десяток элементаров, ноги грохочут, ледяные колья пальцев угрожающе блестят. Сверху пять авианов, злые взгляды целятся в людей. У каждого из летунов есть какая-никакая, но все же амуниция: у одного – наплечники, стальные перчатки с когтями, у второго – кольчужные штаны, топор... Богаче всех снаряжен центральный – подпоясанный плащ с капюшоном, мечи в ножнах, по краям крыльев стальные насадки с лезвиями. Видимо, вожак.

Эгорд бросает строгий взгляд на Тимориса, тот проверяет на вес ледяную саблю.

– Опusti! – говорит воин-маг. – Иначе точно погибнем!

Тиморис тут же вытягивается по струнке, прячет саблю за спину.

– Так тоже не надо, – говорит Камалия. – Подумают, что тайно замышляем против них.

– Может, сквозь лед провалиться? – ворчит Тиморис, досадно разводит руки, словно раскрывает дружеские объятия.

– Вот так и стой, – быстро приказывает Эгорд, Тиморис замирает.

Воин-маг смотрит на приближающийся отряд, вожак вынимает мечи, блики бьют по глазам, Эгорд отшатывается, едва удерживается от рефлекса выхватить меч.

– Камалия, скажи, что мы не враги!

Авианы испускают устрашающий клекот, крылья складываются, пять пернатых комет обгоняют громающую толпу элементаров, сейчас врежутся, сметут...

Сбоку яростный птичий крик, Эгорд с ужасом думает: кто-то из авианов летит с фланга, зажимает в клещи!

Но это кричит Камалия. Голос не узнать, жрица выплевывает непонятные обрывки звуков, ладонь выставлена вперед.

Авианы распахивают крылья, стена воздуха толкает летунов назад, когти на ногах вонзаются в снег, твердый пласт ломается. Вожак чуть оборачивается, жестом приказывает элементам остановиться. Авианы враждебно смотрят на людей, оружие покачивается, хищные фигуры как взведенные пружины, один неверный шаг – и начнется резня...

– Скажи, мы друзья, наши враги – демоны, – спокойно говорит Эгорд.

И вновь непонятные резкие слова, странно слышать от Камалии такие жесткие интонации, удивление помогает отвлечься, успокоиться...

Троица всем видом показывает, что не намерена драться.

Авианы глядят зло, но в глазах прослеживается задумчивость, немое напряжение длится несколько долгих мгновений. Вожак опускает мечи, выпрямляется, другие следуют примеру.

– Спроси, зачем штурмуют крепость, – говорит Эгорд, взгляд туго переплетен с взглядом главаря. Тот раскрывает клюв, те же крикливые хриплые звуки, что издавала Камалия.

– Демоны мучают в плену их сородича, – переводит жрица. – Летят освободить. Штурм длится много месяцев, но силы равны.

– Мы поможем, – говорит через Камалию Эгорд.

Вожак кивает. Вновь оборачивается к элементам, те после яростной команды и взмаха когтей бегут на крепость, удаляются, дрожь ледяной тверди постепенно стихает.

Эгорд не успевает осознать, как взлетает, ноги болтаются высоко над снежной равниной, холодный ветер морозит лицо. Вожак держит за плечи, когти впиваются в чешую доспехов, над головой громко хлопают крылья. Жрица и воин летят рядом, их держат рядовые авианы, Тимориса так же, за плечи, а Камалию из-за отсутствия доспехов – на руках, словно возлюбленную. Тиморис как застыл по приказу Эгорда в дружеской позе, так в ней и летит, рожа перепуганная. Камалия смотрит вдаль, за лентами волос прячется грустная улыбка.

Пролетают над баталией, воздух от пепла черный, в ноздри бьет запах гари и крови. Демоны льются по лестницам, вокруг крепости натекает жирное кольцо из красных тел, элементы таранят его, вспарывают, во все стороны – бутоны ледяных осколков. Авианы штурмуют окна, балконы, открытые площадки, сцепляются в кровавом танце с летучими демонами.

Подошвы касаются крыши. Той самой, где в реальности сейчас лежит мертвый дракон. В разуме Клессы это место пусто, если не считать пушистого снега: скользит по плитам, заползает в трещины.

Эгорд на бегу метает в «ворота» сгусток холода, Камалия мощным лучом превращает оледеневшую створку в пухлые горячие облака.

Авианы скрепчивают на людях уважительные взгляды.

– Говорят, мы хорошие союзники, – с улыбкой переводит Камалия дружный клекот. – Еще говорят, Эгорд обращается со льдом лучше каждого из них, спрашивают, нет ли среди твоих предков авиана.

– Может быть.

Эгорд ускоряет бег.

– Поздравляю с новыми родственничками, – ухмыляется Тиморис, хлопает Эгорда по плечу. – Посмотреть бы, как твой прадедущка авиан засовывал...

Эгорд отвечает Тиморису подзатыльник, того отбрасывает вперед, в парующую брешь, руки нелепо пытаются удержать равновесие.

– Какой смелый воин! – Камалия передает речь одного из авианов, тот указывает когтем на Тимориса. – Рвется в бой первым!

Следом вбегают воин-маг и жрица, предусмотрительно сворачивают на карниз. Авианы же разгоняются, отталкиваются ногами и крыльями, пять упругих тел с разинутыми в боевом кличе клювами бросаются на лестницу. Тиморис уже там, всюду орудует улучшенной саблей, от порезов и уколов расплзается лед, демоны частично застывают, отвердевшие тела создают преграду другим демонам.

Эгорд и Камалия оббегают котел, прыгают в гущу сражения.

На сей раз все наоборот: демоны лезут из котла, как тараканы из рассадника, прорываются в сердцевину крепости. Неизменно одно: прут яростно, сплошным валом.

Ладно, думает Эгорд, размахивая мечом, с авианами гораздо легче, уже пробились до середины лестницы, доберутся и до Клессы, разбираться в его причудливых мыслях будут на месте, да и то – если понадобится. Главное – убить!

Бой идет даже легче, чем Эгорд мог вообразить. Авианы прекрасно справляются сами, и правда искусные воины, хорошо, что союзники, иначе проникновение в разум Клессы не стоило бы затевать, легче заново пробиться сквозь толпу демонов, чем сквозь толпу авианов. Только и остается прикрывать крылатых вояк лучами и ледяными шарами, вешать щиты, добивать раненых, иногда вступать в поединки с особо настырными.

Коридоры меняются один за другим, лестницы, повороты... Похоже, авианы ведут туда, где пленят их сородича, но там ли Клесса? Эгорд хочет сообщить вожаку авианов, что придется разделить, но в это время набрасываются два прытких демона, все мысли прочь, вихрь ударов...

То и дело встречаются возвышения, где пышут оранжевым туманом котлы. Порталов и впрямь много, неудавшаяся в реальности идея преградить дорогу к одному все равно ничего бы не изменила. Остается рассчитывать на смерть Клессы. Но былая попытка провалилась устрашающе легко.

Врываются в большой круглый зал с арками и колоннами.

Помещение до отказа забито демонами. Твари тяжело защищены и вооружены, элитная гвардия.

В центре алтарь – призма из желтоватого в трещинах камня, широкое ступенчатое подножие залито густой синей кровью.

К алтарю прикован Клесса. Черные цепи оплетают как лианы, руки и ноги-хвосты скручены вокруг алтаря, дергаются в попытках вырваться. Намордник не дает клюву раскрыться. Демоны ползают по Клессе, рвут когтями, зубы жадно вонзаются, перемазываются синей кровью.

Эгорд бросается на замурованного в доспехи демона, меч с глухим звоном отскакивает от пластин.

– Это и есть тот, кого авианы спасают?

Камалия таранит демона световым щитом, тот падает, валит соседей.

– Видимо, да. Тот самый родич. Клесса же – наполовину авиан.

– Халява! – Тиморис на радостях срубает трех демонов одним ударом. – Этот гаденыш связан, не нужно с ним драться! Ткнуть мечом – и все!

– А потом нас дружно ткнут мечами авианы, на пару с демонами, – бросает Эгорд.

Тиморис меняется в лице, по доспехам прилетает пара ударов, неумело отбивает тяжелые кривые мечи.

– Что это значит? – спрашивает Эгорд, когда оказывается рядом с Камалией. – Почему Клесса в цепях?

– Думаю, – жрица испепеляет демона лучом, остаются лишь раскаленные доспехи, – Клесса сражается на стороне демонов не по своей воле. Зарах его обратил, но та часть, что была авианом, не хочет служить хозяину, отчаянно сопротивляется, но сделать ничего не может. Зарах подавляет волю Клессы.

– Значит, эти авианы и элементалы – борющаяся воля Клессы, а демоны – воля Зараха?

– Именно.

Тиморис бежит от увесистого громила с двумя молотами, толкает к нему других демонов.

– А нам-то что?! Нас же порвут в капусту!

– Клессу нужно убить! – Эгорд уклоняется от молота, вонзает меч в прорезь шлема, громила замирает, туша заваливается набок. – В любом случае!

– Но нас убьют авианы! А демоны растащат на куски наши остатки!

Троица погружается в битву, сердца наполняются яростью, хочется рубить, колоть, замораживать, сжигать... Лишь бы не думать о том, что грядет неизбежная гибель. Эгорд упивается жаром сражения, кровь пьянят едким запахом, воин-маг отдается красному туману безумия, время стирается, каждый удар видится мутной полосой, оставляющей шлейф в форме клинка, но кто знает, быть может, это – слиток из десяти ударов, и не за миг, а за минуту...

Эгорд, Витор и Милита кружились так на балу в Старге, будто плескались в морском шторме, их бросало по всему залу, сотни рук сливались в пену, глаза и бриллианты мелькали так же часто, как сейчас – брызги крови.

Давит не близость смерти.

Зарах так и не падет от руки Эгорда, не заплатит за гибель Витора и Милиты!

Лицо Камалии тоже искажено, но Эгорд завидует, жрица ни о чем не жалеет, ее гнев праведен, чист, она с готовностью отдаст жизнь в битве за свет. Тиморис орудует ледяной саблей, но его дикая резня питается страхом, несогласием умирать, каждый удар так и отдается эхом: не хочу, не хочу!

Авианов становится больше. Крылатые союзники, а скорее всего – будущие враги, с боем врываются в зал из арочных проемов, влетают в окна. Даже от пяти авианов побег возможен с великой удачей, но от двадцати, тридцати, да еще в толпе демонов...

Грохот.

Несколько колонн падают, сыплются тяжелые глыбы, сквозь камнепад врываются два демона-великана. Жуки, досаждавшие за пределами Грифовых скал, только поменьше. Молодые, что значит – неопытные, но агрессивные. Каждый стискивает булаву, озирается до хруста в шее.

Одного тут же облепляют авианы, жук роняет оружие, шар с шипами раздавливает в лепешку стальную кожу доспехов, под которой прятался задиристый самоуверенный демон. Крылья и клювы бьют великана, открывают на его теле красные фонтаны, напор летунов толкает ревущего жука на стену, зал сотрясается от удара.

Второй заносит булаву, шагает вперед.

С пальцев Эгорда срывается ледяная молния. Горло великана превращается в лед, словно в ошейнике. Булава опускается, демон пробует вдохнуть, но вместо легких надуваются глаза. Лапа хватается за горло, хочет сорвать неведомые оковы, но сжимает чересчур сильно – лед лопается, голова падает. Гора мяса оседает, становится гробницей еще для пары-тройки неведущих демонов.

Авианы с криками отбрасывают демонов от Клессы, мечи пытаются разбить цепи, рыдают искрами. Демонов хватают за шкуру, тычут мордами в цепь, заставляют грызть.

Эгорд озирается, демонов ощутимо меньше, Тиморис и авианы успешно держат наплыв с лестниц и коридоров.

Камалия на помосте алтаря, взгляд под ноги, с пальцев летят тонкие лучи, от пола струится дымок.

Эгорд взбирается на помост.

– Что делаешь?

Жрица выжигает на полу знаки. Похожи на те, что перебросили троицу в мысли Клессы, два круга символов, один в другом, и центральная руна.

– Кто-то должен убить Клессу, – говорит Камалия сердито и отчужденно. – Здесь не получится, Клесса очень могущественный, живучий, убить его даже связанного нужно время. Авианы убьют нас раньше.

– Нет...

Тиморис взбегает на возвышение как ошпаренный.

– Так какого беса мы сюда приперлись?!

– Могу ослабить Клессу, – продолжает Камалия, пальцы выжигают центральный символ, – мощный удар сделать успею. А вы добьете в реальности.

– Но тебя же...

Камалия поворачивает к спутникам улыбку и грустный взгляд.

– Кто-то должен остановить наступление. И добраться до Зараха. Хотя бы попытаться.

Сквозь оборону авианов пробивается кто-то особо тяжелый и наглый, Эгорд рад этому чрезвычайно – есть куда слить пар. Глаза наливаются кровью, меч вспыхивает, на демона обрушиваются удары, тот шатается, пробует отбиваться, похож на железное чучело.

Тиморис обмякший, смотрит на жрицу, глаза опускаются... Сабля висит на пальце, рука водит по затылку, вялая как тряпка.

Эгорд возвращается злой, воздух изо рта горячим ветром.

– Так нужно, – говорит Камалия легко, словно все закончилось и они отдыхают на летней полянке. – Я должна расплатиться за то, что обратилась к темной магии.

Эгорд смотрит на Камалию, злость разгорается, превращается в горечь обиды. Так жалел, что погибнет, не сможет отомстить за Витора, за Милиту... А теперь судьба вдруг дарит шанс, гибель отменяется, вперед! Но – без Камалии... Она гибнет за свет, но Эгорду кажется, что пользуется ее жизнью в личных целях, как вещью.

Но Камалия – не вещь! Не чужая!

Помнит, как освобождал ее из башни, нес на руках, беспомощную и прекрасную...

– Войдите в круг, – решительно говорит жрица.

Эгорд и Тиморис угрюмо переставляют ноги.

Камалия одаряет лучезарной улыбкой, резко разворачивается к Клессе, сквозь черное железо маски на жрицу падает бешеный взгляд, хвосты гремят цепями. Жрица выкрикивает заклинание, слово за словом, как стрелы, такие же непривычно злые, жадные, как в прошлый раз. Знаки на полу наливаются знакомой сиренью.

Плоть Эгорда и Тимориса вновь распадается на светящиеся сферы, большие и крошечные. Камалия поднимает руку, в ладони копится белый свет для последнего луча, ярче всех прочих, который ранит Клессу, даст Эгорду возможность поразить его в реальном мире.

Вспышка.

Глава 7

Свет размыкается, открывает тот же зал, Эгорд на том же месте. Тиморис открывает рот что-то сказать, Эгорд хватается за плечо, палец касается губ. Тиморис так и замирает, рот нараспашку, через пару секунд осторожно закрывает, боится щелкнуть челюстями.

До Тимориса доходит, что он не в голове демона, а в самой настоящей реальности, едва удерживается от желания нервно сглотнуть: кадык прыгнет очень уж громко.

Оглядываются столь же осторожно, а то все испортит предательский хруст шейных позвонков...

Зал пуст и чист – ни единой капли крови, ни одного авиана и демона.

Не считая Клессу.

Эгорд шевелит губами, на ладони струйка за стружкой накапливается сила, ниточки мелкого, как пыль, инея выются из воздуха, лезут из-под чешуек доспехов, из волос и бровей, закручиваются в клубочек меж пальцев... Крайне долго, но – бесшумно... Если заклинание чуть ускорить, едва слышный звон льдинок может стоить двух... нет, трех жизней: смерть Камалии окажется напрасной.

Огромный демон-полукровка у алтаря – спиной к лазутчикам. Хрипло бормочет какие-то слова, ладони плавно перемещаются вверх-вниз, словно демон поглаживает грани алтаря. Черно-красные крылья то раскрываются, то складываются, будто кузнечные меха. Хвосты огибают высокий ритуальный камень, объаты пеленой тумана, похожего на содержимое котлов-порталов.

Воздух у алтаря вспыхивает огненными символами, на нем каждый миг открываются и зарастают трещины. Камень будто скорлупа, из которой вот-вот проклюнется невероятно сильная тварь...

Сгусток льда уже с яблоко. Терпение, только терпение... Если понадобится – простоят еще час, лишь бы незаметно скопить мощь для смертельного удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.